КН
100
Р13

Дмитрий Рабочий.

В ТИСКАХ

(Молодежь в царском подполье).

Владим. Издательство „Призыв".
г. г. Владимир—1926 г.

55762

Васильев, Д.М.
323.1 (47)
Дмитрий рабочий.

В ТИСКАХ

(МОЛОДЕЖЬ В ЦАРСКОМ ПОДПОЛЬЕ).

V 55262/8

ВЛАДИМИРСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИЗЫВ".

г. г. Владимир.—1926 г.

575/6

Типо-литография Владимирского Издательства „Призыв".

Владимир. Гублит № 1751-5835. Тираж 3050 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

У нас почти нет на книжном рынке литературы, отражающей юношеское движение до-революционного периода нашей Владимирской губернии. Книга Дм. Рабочего „МИНУВШЕЕ", вышедшая в 1923 году, вся разошлась, хотя и имела ряд существенных недостатков в своем изложении. В настоящее время в связи с расширением интереса у комсомольцев и рабоче-крестьянской молодежи к изучению истории революционного движения вообще и юношеского движения в частности—требуют нужных пособий, необходимой литературы. Выпускаемая брошюра до некоторой степени восполнит этот пробел, в особенности в части отображения революционного движения учащейся молодежи, изучение которого также необходимо каждому комсомольцу, каждому молодому рабочему и крестьянину, т. к. оно вскрывает сущность до-революционного движения учащейся молодежи, его плохие и хорошие стороны, которые были в этом движении у учащейся молодежи, поднимавшей свой голос против царского самодержавия.

Вместе с этим оно вскрывает этапы борьбы учащейся молодежи против старой школы, старающейся воспитать раба и жандарма царизма.

Но, наряду с этими моментами, описываемое движение учащихся вскрывает корни мелко-буржуазного юношеского движения, выросшего оторванно от армии пролетариата и пролетарской молодежи и пытавшегося в последующие революционные годы перенести свои традиции в революционное пролетарское юношеское движение.

Вот почему, чтобы понять настоящее великое коммунистическое движение молодежи, выросшее в боевую армию Ленинского комсомола, — перевоспитывающего в своих рядах широчайшие массы молодых рабочих и крестьян, вовлекая их в строительство советской страны под руководством РКП (б), — нужно изучать не только настоящий переживаемый период, но и прошлое движение, прошлую борьбу, чтобы понять настоящее.

Владимирский Губком РЛКСМ.

16/IX—1925 г.
г.г. Владимир.

ОТ АВТОРА.

Данная книга содержит в себе очерки по истории революционного движения мелко-буржуазной («левого крыла») молодежи в России с 1860 по 1917 г.г., при чем автор умышленно предпочел более широкое освещение событий во Владимирской губернии, как губернии, служившей центром для всего описываемого движения в России, и как губернии наиболе характерной, имеющие наиболее интересные факты из описываемого в данной книге движения, которые смогут дать читателю яркое представление и обо всем этом движении в России вообще.

Читателя не должно смущать то, что автор взялся описать мелко-буржуазное движение молодежи. Он должен помнить, что другого массового движения молодежи в России с 1860 года не было, так как рабочая молодежь, если и участвовала в революционном движении, то не иначе как вливаясь отдельными единицами в общеосвободительное рабочее движение.

Данное движение молодежи явилось одним из тех ручейков, которые пользовали большевики-коммунисты для созидания великой пролетарской революции, нашего великого Октября.

И если кто хочет знать, как и из чего складывалась наша Октябрьская революция—для того данная книга будет представлять, несомненно, большой интерес; особенно она должна быть полезной комсомольцам и молодым партийцам, так как содержит в себе очерки по истории революционного движения молодежи.

Все представленные автором в данной книге данные или взяты им непосредственно из архивных источников, или взяты из воспоминаний участников движения, или из источников, представленных в трудах других авторов.

Наиболее широко использовалась книга „Минувшее" («Владимирское издательство» 1923 год), автором которой является автор данной книги.

Затем широко использованы труды профессора Б. В. Титлинова «Молодежь и Революция» (ГИЗ Ленинград 1924 г.).

Этот последний труд дал автору много ценных данных, каковые, как перечисление событий (за исключением событий во Влад. губ., которые автором разработаны самостоятельно), вошли в данную книгу, которые помогли автору добраться до начала движения и дать его наиболее полную картину до 1905 г.

Включая в себя данные профессором Б. В. Титлиновым события (правда сжато до минимума, до простого лишь пере-

числения), данная книга вносит **много новых данных, особенно из жизни центральной—руководящей губернии** и является в этом отношении полнее трудов проф. Б. В. Титлинова.

Кроме уже отмеченных выше трудов—автор пользовался трудами М. Покровского «История России в самом сжатом очерке» и трудами Г. Зиновьева «История РКП (б)», при помощи которых автор смог увязать представленное в книге движение молодежи с историческим ходом развития революционного движения вообще.

Кроме этого, автор пользовался целым рядом воспоминаний участников данного движения молодежи, разбросанных в различных сборниках.

Данная книга дает полное, **чем где-либо до сих пор**, представление о мелко-буржуазном революционном движении молодежи с начала его возникновения вплоть до революции 1917 года (в феврале) и выпуском ее в свет—автор считает законченной свою работу в части разработки данного вопроса.

Правда, в данной книге весьма мало уделено внимания движению молодежи средних светских учебных заведений, но это потому, что эти учебные заведения меньше проявляли себя участием в революционном движении, чем семинаристы и «раскачались» лишь на гребне событий 1905 года, чтобы вскоре снова порасти «обывательщиной».

Особенно во Владимирской губернии (центре данного движения молодежи) среди реалистов, гимназистов и гимназисток революционного очень немного, если не считаться с отдельными личностями, наиболее передовыми и талантливыми.

Зато весьма много среди этих «революционеров» (включая сюда и семинаристов-революционеров) врагов сов. власти, самых ярых белогвардейцев в первые годы революции, что весьма характерно и что ярко подчеркивает, что описываемое движение не сродни пролетарскому, что оно, вот именно, **мелко-буржуазное движение молодежи.**

Из этого вывода, конечно, не след умозаключать, что все участники данного движения суть наши враги. Из среды участников данного движения молодежи вышло не мало и наших друзей, работающих и поныне с нами рука об руку в первых рядах.

Автор спешил с составлением книги, желая приурочить ее выпуск к юбилею 1905 года, и пусть читатель простит ему «прегрешения» за те небольшие литературные шероховатости в книге, которые, возможно, и встретятся.

За все же указания, касательные своего труда, автор заранее выражает свою признательность.

1925 г. 25 авг.
г. Вязники, Влад. губ.

Дмитрий Рабочий.

I

У нас весьма мало опубликовано в печати сведений, касающихся революционного движения молодежи до 1917 года.

Отсутствие данных сведений усугубляет для современной молодежи разрешение целого ряда вопросов, связанных с современным—коммунистическим движением молодежи.

Современной молодежи, да и не только молодежи, далеко небезинтересно знать судьбы как своего—пролетарского, так и буржуазного революционного движения молодежи, знать их основные задачи и цели, проявления и, наконец, основные разграничения между ними.

Все это и заставляет отыскивать необходимые сведения о революционном движении молодежи, собирая их в одно неразрывное целое из отдельных кусочков, разбросанных или в архивах, или в различных литературных трудах.

И, как это ни странно—эти сведения наиболее часты и наиболее полны о революционном движении воспитанников духовной семинарии—сынков попов, дьячков и псаломщиков, самых заядлых реакционеров, как думают о духовенстве весьма и весьма многие и что, конечно, оправдывается и в действительности, хотябы на примерах нашей революции. Но, однако, в своей книге „Молодежь и Революция“ (стр. 11) Б.-В. Титлинов подчеркивает, что „ни в одной школе не бывало столько волнений, как в русских духовных семинариях; эти волнения тянулись на протяжении десятилетий, и особенно в 1890—1900 г. г., и в свое время привлекали общественное внимание“.

Почему же именно волнения были весьма часты среди семинаристов, а не среди учащихся светских школ? Что за причина, толкнувшая на путь волнения и революционного движения в первую голову семинаристов, а не еще кого-либо из среды учащейся молодежи?

На эти вопросы мы находим вполне верный и вполне обоснованный ответ в трудах М. Покровского „Русская История в самом сжатом очерке“ (стр. 140—141), где автор указывает, что в ту пору (в дни царствования Александра II го), когда возникали первые волнения среди учащейся молодежи—студенчества, семинаристы считались самой активной частью его, так как „тогдашнее студенчество было не такого состава, как теперешнее“ примерно

в эпоху 1900—1917 г. г. „буржуазных сынков в нем было мало, ибо купцы еще не видели потребности отдавать детей в университет, а дворянские дети еще предпочитали военную службу. Главную массу студенчества составляли дети второстепенного чиновничества, а самой дельной и работоспособной частью были семинаристы".

Характеризуя семинаристов того времени, М. Покровский пишет дальше, что это была молодежь нищая,—многие из семинаристов приходили в Москву держать экзамены пешком за сотни верст,—энергичная трудолюбивая и сильно озлобленная".

Толкнуло семинаристов на путь волнений, на путь революционного движения царское правительство, правительство Александра II го, испугавшееся что семинары—„драные" поповичи, от которых несет „простолюдиной", выучась, будут входить в круг „высшего света" и этим самым смешают все сословия, а поэтому стремившееся закрепить университет за привилегированными классами, не ниже среднего чиновничества.

В качестве реальных мер для проведения такой „реформы" школы в жизнь—была повышена плата за учение, было уменьшено количество стипендий, которые только и давали возможность выходцу из бедняков учиться.

На этой почве, особенно в Петербурге, начались волнения среди студенчества.

Кого в данном случае всего больше задела „реформа" школы?

Конечно семинаристов, так как только они и были главной частью бедняцкого студенчества и, конечно, б. семинаристы из студенчества явились и первыми зачинщиками волнений, которые не замедлили вскоре охватить и подлинные семинарские массы.

Для развития революционного движения среди учащейся молодежи в то время, время царствования Александра II-го, была налицо и надлежащая почва, полная недовольств целого ряда слоев населения России „великими реформами" правительства, не замедлившая дать надлежащий толчок к развитию освободительного движения в России вообще.

Одним словом, основная причина, побудившая к развитию революционное движение среди учащихся и особенно семинаристов, заключалась не только в специфической обстановке жизни и учебы питомцев школы,—она исходила и из тех общественных отношений, которые были свойственны эпохе, в которую стали появляться побеги семинарского революционного движения, в которую начала выдвигаться также и роль так называемой революционной буржуазии (интеллигенции).

Первые проблески революционного движения учащихся-семинаристов относятся к 60 - 70 годам XIX столетия, как раз, (точнее) к тому моменту, когда в России вводилась в жизнь реформа так называемого „освобождения" крестьян и когда особенно заметно стали расти и развиваться всевозможные освободительные течения.

Предпосылкой к развитию этих освободительных течений послужила реформа 19-го февраля 1861 года, освободившая крестьян от крепостной зависимости.

Эта реформа, как известно, была выгодна лишь торговому капиталу и ничего не дала ни крестьянину, ни развивавшемуся промышленному капиталу, разорив к тому же мелкое чиновничество и мелкое дворянство.

„Освобождения" крестьянина в том виде, в каком необходимо было иметь для быстрого и большого успеха роста капиталистической промышленности, не произошло,—крестьянин был „освобожден" (прикреплен к земле) и не мог ее покинуть („круговая порука"), а промышленному капитализму нужны были совершенно „вольные" люди могущие быть рабочими на его заводах и фабриках.

На этой почве вырастает недовольство промышленной буржуазии, которое в дальнейшем выливается в борьбу с самодержавием.

Но ни одни только крестьяне и промышленники выражали недовольство реформой „освобождения" крестьян,—были и еще кое-какие общественные прослойки, которые выражали такое же недовольство поименованной реформой и к таким общественным прослойкам надо, прежде всего, отнести так называемую революционную буржуазию или, проще, интеллигенцию выходцев из мелкой буржуазии, также не мало потерпевшей от „великих" реформ правительства Александра II-го.

М. Покровский в своей книге „Русская История в самом сжатом очерке" (стр. 112) отмечает, что „интеллигенция тоже живет на прибавочный продукт, в этом ее связь с буржуазией. Чем быстрее и шире развивается капитализм, тем ей выгоднее, потому что тем больше интеллигентских профессий, тем шире поле для деятельности интеллигенции. Торговый капитал имел при себе в качестве интеллигентных слуг только врачей, да канцелярскую „интеллигенцию"—чиновника... „Оттого в революциях эпохи торгового капитализма интеллигенция мало принимает участия". И еще дальше: „непосредственным носителем буржуазной революционности является не сама предпринимательская буржуазия, а интеллигенция"...

Значит, выразителем и тех недовольств, которые имелись в эпоху царствования Александра II-го в среде промышленной и мелкой буржуазии, также должна была быть интеллигенция, что, конечно, и было в действительности.

Однако, все это еще не значит, что интеллигенция открыла борьбу с самодержавием потому, что знала и усваивала себе его роль в замедлении темпа развития промышленного капитализма или что она этим самым открывала борьбу с торговым капиталом, или метила за разорение от реформы освобождения крестьян своих родителей -мелких собственников—мелких помещиков, а это значит что интеллигенция просто чутьем нащупывала свою дорогу, впитывая в себя весь ужас притеснений крепостнического государства, но что, в конечном, сводится все же к одному знаменателю - к связи интересов интеллигенции с интересами промышленной буржуазии.

Сдвиг в среде интеллигенции в сторону борьбы с самодержавием наметился не сразу,—интеллигенция шла к этому сдвигу осторожно, выставляя в первую голову свои требования, еще не обрисовывавшие грядущих столкновений с самодержавием, а носившие специфично-интеллигентский оттенок, присущий только как-бы лишь одной ей, отнюдь не промышленной буржуазии. И, прежде всего, посыпались требования из среды учащейся интеллигенции, носившие на первый взгляд безобидный, мало затрагивающий самодержавие, характер.

Движение интеллигенции началось в верхах (в среде учащейся интеллигенции—в университетах) и уже отсюда расползалось по всем направлениям.

Охватившие студенчество на почве „реформы“ школы волнения в первую очередь захватили семинарские массы, как наиболее в тот момент связанные с университетом.

Семинаристы, как наиболее демократичная часть учащейся молодежи, были связаны и с рабочими, и с крестьянами и в свою очередь, благодаря этим связям, оказывали, или могли оказывать, на последних свое влияние в части усиления революционного брожения.

Такая ситуация связи была особенно выгодна верховодам интеллигентских масс, так как последние, воплощая в себе чаяния буржуазии, могли использовать эту связь семинаров в целях подчинения революционного движения рабочих и крестьян целям и задачам революционно-буржуазного движения,—иначе получали возможность быстрее сыскать себе необходимого „союзника“, которого, так или иначе, но заставить итти в бой с самодержавием ради защиты интересов предпринимательской буржуазии.

Застрельщиками революционного движения учащейся молодежи явились *студенты Казанской* духовной академии и *владимирские семинаристы*. Студенты Казанской духовной академии, возмутившиеся поведением ставленников правительства по отношению к крестьянству, осмелившемуся „бунтовать“ против того обмана, которым их „обрадовало“ правительство Александра II-го, заволновались.

Этот крестьянский „бунт“, произошел, между прочим, в селе Бездна, Спасского уезда, и выразился в „недоразумениях“ при об'явлении крестьянской „воли“, в результате чего произошли столкновения с полицией и убийства крестьян.

Студенты духовной академии, в виде протеста против такого насилия, решили устроить по убиенным демонстративную панихиду, в противовес балу, какой дворянство дало усмирителю „бунтовщиков“.

Панихида была совершена в кладбищенской церкви при участии до 400 студентов и нескольких профессоров, после панихиды был устроен митинг, на котором ораторы произносили противоправительственные речи,—это было 16 апреля 1861 года.

Следствие по этому делу подчеркнуло, что в среде воспитанников не только Казанской, но и вообще духовной школы далеко не все благополучно, что в среде учащихся есть отдельные лица, ведущие революционную пропаганду, что многие из них принадлежат и к преподавательскому кругу.

Тень политического подозрения, брошенная на Казанскую духовную академию этим делом, тем больше беспокоила церковное начальство, что она грозила разрастись до гораздо большего размера.

И, конечно, учащиеся высших и средних учебных заведений не заставили себя долго ждать и за Казанской „шумихой“ последовал целый ряд событий и в других академиях и семинариях, которые ясно и отчетливо подчеркнули и перед духовным начальством, и перед правительством, что да—в духовной учебной, как равно и вообще в учащейся среде, далеко не все благополучно.

Одновременно с казанскими событиями (1861 г.), на почве замкнутости школы того времени, возникают броженія в среде владимирских семинаристов, выразившиеся в организации „тайного“ семинарского кружка и „тайной“ же семинарской летучей библиотеки, действовавших далее на протяжении целых сорока лет, будучи никем не обнаруженными.

Возникновение тайной семинарской библиотеки произошло при следующих обстоятельствах:

Отец известного писателя—народника Н. Н Златовратского открыл во Владимире в 1859 году публичную библиотеку, которая помещалась в дворянском доме (теперь народном собрании). В ра-

ботах этой библиотеки принимал участие и Н. Н. Златовратский, тогда ученик Владимирской гимназии.

Вот, что он потом писал, вспоминая эту пору:

...„Не прошло и нескольких месяцев (работы в библиотеке Д. Р.), как многие из моих товарищей были уже завербованы мною в „литературный союз". Осуществилось это тем более легко и скоро, что большинство моих тогдашних товарищей было из семинаристов, на „вольных" квартирах которых, среди великовозрастных учеников, уже существовали такие „тайные" союзы вся конспиративность которых заключалась лишь в чтении „светских", хотя бы и самых благонамеренных, сочинений). В описываемые мной годы, в семинарии вообще уже духовные запросы, как среди многих учителей, так и воспитанников, стояли значительно выше, чем в гимназии, где духовное развитие, за редкими исключениями, стояло на очень низкой ступени"...

.. „Понятно, почему, едва только открылась наша библиотека, самыми первыми подписчиками в ней и наиболее усердными читателями и посетителями явились, прежде всего, учителя семинарии и семинаристы, а самыми редкими—гимназисты, хотя последние не подвергались за это репрессиям начальства, как семинаристы, которым вскоре было запрещено бесконтрольное пользование библиотекой. Это последнее обстоятельство неожиданно придало моей „просветительной" деятельности широкие и своеобразные формы: как-то само собой я сделался неустанным поставщиком „тайной" духовной пищи для всех моих семинарских сверстников, алкавших и жаждавших ее. Это продолжалось во все последующие годы моего пребывания в гимназии, что, признаться сказать, приносило не мало огорчений моему отцу, то получавшему строгие внушения и предупреждения со стороны высшего семинарского начальства, то узнававшему, что не мало его книг было конфисковано этим начальством на руках юных читателей. У одного из инспекторов семинарии, за немного лет его деятельности, образовалась даже довольно изрядная библиотека, исключительно состоявшая из этих и других, приобретаемых учениками, „недозволенных" книг. Такие репрессии по части свободного чтения послужили только к усилению нашей энергии на поприще взаимного самообразования и большому умудрению нас в деле конспираций; *спустя два года было уже положено начало существования тайной семинарской летучей библиотеки, которая, кочуя по чердакам, подвалам и погребам обывательских домов, в течение многих лет с большим успехом обслуживала духовные нужды целого ряда юных семинарских и гимназических поколений*" *).

*) Н. Н. Златовратский. „Детские и школьные годы" (очерки былого) Москва 1908 г. (Оттиск из журнала „Воспитание"). стр. 95—96.

Из других источников мы узнаем, что одновременно с организацией в г. Владимире „подпольной" библиотеки был организован из семинаристов и подпольный политический кружок, также просуществовавший более сорока лет, переходя от поколения к поколению владимирских семинаристов, став в 1896—97 г. г. центром революционного движения семинаристов почти всей России, а дальше—представляя из себя центральный комитет общесеминарского союза *).

Постольку поскольку кружок владимирских семинаристов сыграл в настоящем движении одну из крупных ролей, мы позволяем здесь некоторое отклонение от последовательности в изложении, выделяя особым вниманием отмеченный кружок, и останавливаемся особо на его развитии, чтобы затем снова вернуться к изложению событий в других семинариях.

Кружок владимирских семинаристов и связанная с ним библиотека жили не всегда одинаковой жизнью. Были времена расцвета, но были времена и упадка. Насчитывая в начале первых лет своего существования около 200 томов—библиотека семинаристов впоследствии возросла до 1000 томов (с 1880 до конца 90 годов). Был, однако, и такой случай (1864 г.), когда библиотеку хотели сами же члены кружка порешить, разыграв между собою ее содержимое. С ликвидацией библиотеки, конечно, последовала-бы ликвидация и кружка, если бы в этот тяжелый момент не вмешался Н. Н. Златовратский, организатор всего этого, который спас от гибели и библиотеку, и кружок, разговорив от розыгрыша своих товарищей.

Особенный расцвет кружка и библиотеки начинается с конца второй половины 80-ых годов, когда эти обе организации настолько окрепают, что начинают действовать по выработанной программе, по установленному уставу.

В этот момент влияние кружка и особенно библиотеки семинаристов распространяются уже не только на город, но и на прилегающие к Владимиру селения,—библиотека начинает обслуживать уже не только нужды семинаристов, но и «вольных» граждан.

Эта деятельность кружка семинаристов не прошла незамеченной. Еще в 1870 году, узнав о существовании в семинарии кружка—полиция усилила свою бдительность за семинаристами, стараясь выловить его участников, но.. безуспешно.

Успеху кружка и связанной с ним библиотеки семинаристов в ту пору содействовали не мало такие лица, как Г. Фальберк (член Вольного Императорского Экономического Общества)—товарищ и друг поэта Надсона, тогда ссыльный во Владимире, и

*) „Библиотека общественных движений в России XIX и XX в.". Выпуск IV. Кострома 1921 г., стр. 1—26, и предисловие В. Смирнова.

много других лиц из находившихся во Владимире в ссылке, часто лишь за то, что имели знакомство с Ульяновым—студентом С.-П. Ун., покушавшимся на Александра 3-го.

В этот период времени библиотека была пересмотрена вновь, составлены новые каталоги в известной системе самообразования,— составлены устав и правила кружка и правильного ведения дел библиотеки.

Вот как об этом времени говорит—в своих „Записках по педагогике для воспитанников семинарии" И. А. Богословский: „Современники этого цветущего периода библиотеки рассказывают, что влияние и значение означенных лиц было велико и громадно. Библиотека встала на твердые ноги. Она находилась в надежных руках, которые с родительской нежностью заботились о ней. Привлекали к ней массу читателей, как в самой семинарии, так и за стенами - в городском обществе, даже за пределами города, в уездах".

Однако такое положение библиотеки и кружка не было длительным. В 1891 году жандармерия обнаружила переписку с Петербургом семинариста Белоннина, которая повлекла за собой массовое увольнение из семинарии всех замеченных в пропаганде среди ее воспитанников. Самого-же Белоннина жандармерия упрятала в Петропавловскую государственную тюрьму.

Это событие пагубно отозвалось на окрепавшем было светлом начинании: кружок распался, а библиотека была заброшена. Так было в 1891 и 92 г.г.

В 1893 году снова начинается оживление работы и ощущаются значительные признаки возрождения, которые чем дальше, тем сказываются все сильнее и сильнее, хотя и получаются изгибы и перерывы, но об этом, и вообще обо всем подробнее—ниже.

Чем об'ясняется возрождение и развитие работы кружка и библиотеки владимирских семинаристов, начиная с 1893 года— сказать трудно. Есть некоторые *предположения*, что на этот путь семинаристов толкнули все те же, что и раньше лица со стороны, так как в их среде, как раз в этот момент, произошло весьма знаменательное событие,—проездом из Н.-Новгорода, в надежде повидаться с Н. Е. Федосеевым, проживавшим здесь в это время, Владимир посетил Владимир Ильич Ульянов (Ленин)

Возможно, что его приезд дал толчок мозгам ссыльных и в отношении развития работы среди молодежи, но это только предположение. Было ли это в действительности – сказать весьма трудно, не имея на этот счет исторических документов.

Но, как-бы там ни было, а начиная с 1903 года кружок владимирских семинаристов вступил на широкий путь революционной деятельности *).

II.

Вслед за событиями в среде студентов-семинаристов в г. Казани, и в г. Владимире, в этом-же году, в мае месяце обнаружилось движение и в пермской семинарии. Здесь на семинаристов оказывали влияние из вне отдельные революционеры, вызвавшие их на выступление. В 1862 году в гермосском заводе был задержан ученик пермской семинарии за антиправительственную агитацию среди рабочих. В июле 1862 г. обнаружилось движение среди вологодских семинаристов, где также был задержан один из воспитанников за антиправительственную агитацию в среде крестьянства. В августе 1862 г. в Полтаве был арестован за антиправительственную агитацию преподаватель полтавской духовной семинарии. В 1863 г. в костромской семинарии была найдена рукопись антиправительственного содержания. В 1866 г. был произведен обыск в томской семинарии. В августе 1866 г был арестован ученик саратовской семинарии, заподозренный в связях с революционерами. В апреле 1869 года в петербургской духовной академии были перехвачены прокламации, пересланные студентам из Женевы от эмигрантов Нечаева и Бакунина. Все эти факты, конечно, не могли пройти незамеченными и не обратить внимания духовного начальства и правительства, хотя эти „волнения" учащихся духовной школы далеко еще не носили ни массового характера, ни кружковщины,—*это были лишь отдельные выходцы –единицы* из учащихся, действовавшие по наитию революционных групп, которым, конечно, в дальнейшем пришлось послужить тем заразительным очагом революционности, в который, как мы увидим далее, превратились в конце-концов и сами семинарии.

Правительство приняло по отношению к революционному брожению в среде учащихся жестокие меры; было соответственно „подкручено" духовное и учебное начальство, было разослано предложение, обязывающее последнее „усилить отеческое попечение" над учащимися.

Особенно сильно не понравилась государю, просматривавшему собственноручно дело петербургских студентов в 1869 году, саратовская семинария, которая, по его мнению, яко-бы „наделила"

*) Сведения о развитии деятельности кружка и библиотеки владим. сем-ов взяты из „Записок по педагогике для воспитанников семинарии". И. А Богословского. „Библиотека Общ. движ. в Рос. XIX и XX в. "выпуск IV", Кострома, 1921 г., стр. 1—26.

петербургский университет „вольнодумцами". На деле петербургских студентов—государь собственноручно начертал: „не принимать воспитанников саратовской семинарии ни в какие высшие учебные заведения впредь до усмотрения министра народного просвещения, а в духовные академии принимать не иначе, как с особого каждый раз разрешения синода".

Но ни меры „отеческого попечения", ни исключения и аресты не исправили положения и если в 60-х годах семинары выступали на фоне революционного движения в одиночку, занимаясь, преимущественно, агитацией среди рабочих и крестьян и „хранением" противоправительственной литературы, то в 70 х годах семинаристы выступают уже группами, по 4—5 чел., проводя все ту же, что и раньше работу, проявляя в то же время усиленное стремление к организации в семинариях революционных кружков, пока это, наконец, и не становится фактом.

Усиление революционного движения среди семинаристов в 70-х годах имеет и свое причинное об'яснение.

Главной причиной усиления революционного движения в среде семинаристов явилось еще большее стеснение к их доступу в светские высшие учебные заведения,—больше всего семинаристы возмущались стеснением свободного доступа для них в университеты по окончании четырех классов семинарии; эта мера была введена как раз в 70-х годах.

Не мало возмущались семинаристы и той новой обязанностью педагогов, на которых была возложена „почетная" роль шпионства за учениками в виде дачи начальству сведений о настроении их, поведении и даже (!?) намерениях.

Последнее обострило взаимоотношения воспитателей и воспитанников, заставив последних открыть поход против новых шпионов, применяя по отношению к ним даже террор.

С осени 1879 года террористические акты по отношению к ректорам и отдельным преподавателям семинарий принимают уже обычное явление.

Такой нажим на семинаров „блюстителей нравственности и добродетели" подлил, что называется, масла в огонь, и пламя движения все разросталось.

В 1874 году в черниговской семинарии сразу несколько учеников было привлечено к дознанию за участие в революционной пропаганде. В том-же году трое учеников, вследствие политической неблагонадежности, были исключены из архангельской семинарии. В ноябре того-же года из орловской семинарии уволили троих учеников за хранение и чтение революционных изданий. В марте 1875 года, в той же семинарии, был арестован ученик 4 класса Иван Трудковский. Одновременно, с арестом Ив. Трудковского, в

гор. Петербурге возникло крупное дело о пропаганде революционных идей и распространении запрещенных книг среди рабочих и нижних чинов петербургского гарнизона. Застрельщиками этого дела явились студенты университета, бывшие воспитанники вологодской семинарии,—в награду за последнее – вологодскую семинарию, с высочайшего позволения, постигла та же участь, что и саратовскую семинарию; вологодским семинаристам был запрещен доступ во все высшие учебные заведения. В июне 1876 года найдены были революционные издания у 2 воспитанников подольской семинарии. Вслед за этими двоими последовало исключение еще 6 воспитанников по одним и тем же причинам. В феврале 1877 г. в Ярославле было арестовано 6 воспитанников семинарии за распространение сочинений противоправительственного характера. В этом же году был произведен обыск у некоторых студентов Московской духовной академии. В октябре того же года „обыскивали" нескольких воронежских семинаристов. В марте 1879 года возникло дело Повинской *учительской* семинарии, обвиняемой в анти-правительственной агитации,—«зачинщиками» и здесь оказались быв. семинаристы. 12 июня 1879 года в Минске были арестованы 3-е воспитанников семинарии за участие в «преступном» сообществе. В марте 1879 года в вятской семинарии у одного из воспитанников были обнаружены запрещенные издания. В апреле этого же года был обыск у воспитанника вифанской семинарии. В это же время были обнаружены запрещенные издания у воспитанника тульской семинарии. В конце 1879 года исключили из Петербургской академии двух студентов за принадлежность к соц.-рев. партии. И, наконец, около того же времени разразились серьезные события в воронежской семинарии, подчеркнувшие, что семинарское революционное движение, не глядя на аресты, обыски, высылку и исключения, не только не замирает, а наоборот—входит в рамки организационного оформления.

Б. В. Титлинов, в своей книге—„Молодость и Революция" (стр. 26—27), рассказывая о воронежских событиях—указывает, что в воронежской семинарии было неспокойно еще с 1878 года, хотя никто толком не мог узнать в чем дело, пока развернувшиеся, события сами не подчеркнули существа происходящего. Сначала здесь были демонстрации против инспектора (осень 1879 года) в ноябре—взрыв в его квартире печи от брошенной в нее коробки с порохом. По семинарии до и после взрыва гуляли прокламации. Некоторые ученики были пойманы при распространении антиправительственных изданий. Волнения шли на протяжении 3—4 лет, при чем за это время был произведен второй взрыв печи, но уже на этот раз в квартире ректора семинарии. Долго жандармерия вынюхивала причины всего этого, пока не наткнулась на то, чего

искала, хотя и спустя 9—10 лет. Оказалось, что в воронежской семинарии существовал, хорошо работал и имел приличную связь с революционными партиями семинарский революционный кружок, в котором числилось членами 28 человек.

Кружок имел свой журнал, проводил регулярные собрания, имел свою библиотеку, имел связь с Петербургским комитетом революционной партии и с другими учебными заведениями.

При обнаружении кружка у его членов был произведен обыск, при чем было обнаружено много запрещенной революционной литературы.

Многие из участников этого кружка при его провале значительно пострадали, подвергнувшись исключению из школы и высылке в отдаленные места.

Воронежский кружок был первым, наиболее работоспособным и крепким революционно-семинарским кружком,—прихвостни самодержавия разгромили этот кружок, но не убили этим укреплявшегося с каждым годом революционного движения семинаристов—на смену воронежскому кружку начали вырастать, подобно грибам после теплого дождя, все новые и новые революционные кружки учащейся и семинарской молодежи.

III

Усиление репрессий, со стороны церковной власти и царского правительства по отношению к развивавшемуся быстрым темпом революционному движению среди учащихся, не только не ослабило развертывавшегося движения, а наоборот—подтолкнуло его к еще большему развитию, а его участников—к сплочению.

Все больше и больше выявлялось недовольств среди семинаристов и вообще учащихся на те мероприятия, которые сыпались на их головы лишь за то, что они указывали на вопиющие несправедливости в жизни, учебе и положении питомцев школы.

Учащиеся все больше и яснее усваивали стремление правительства к реорганизации школы на буржуазно-классовых началах и не могли мириться с тем, что их силой втискивали в рамки безжизненного богословия.

Все это вместе взятое сплачивало семинаристов в одну тесную семью и вызывало в них стремление к организации отпора правительственным начинаниям в отношении „ломки“ школы.

И вот на фоне такого положения в среде семинаристов и начинают возникать первичные ячейки будущей общероссийской семинарской организации—революционно-семинарские кружки, которые занялись не только обсуждением положения семинаристов и выработкой петиций к духовному начальству, синоду и правительству относительно улучшения этого положения, но и изучением

основ тех освободительных течений, какие имелись в то время в массах, связываясь на этот счет с кружками и отдельными лицами, участвовавшими в этих освободительных течениях.

Но и это не удовлетворяло семинарские кружки и они пошли на большее, организуя тайные библиотеки, издавая нелегальные журналы, которые так или иначе сплачивали массу учащихся семинарии вокруг кружка, вставшего во главе семинарии и руководившего всей политической ее жизнью. Кружок таким образом становился застрельщиком всех событий в своей семинарии.

И по мере того, как рос и укреплялся кружок—росло и ширилось революционное движение в семинарии, кое-где выливаясь в форму массовых выступлений семинаристов и учащихся светских средних учебных заведений, воспитанники которых также весьма часто втягивались к участию в работе семинарско-революционных кружков (часто бывало и наоборот). Некоторые из семинарско-революционных кружков шли еще дальше—они стремились к созданию общесеминарской организации, завязывая на этот счет связь с другими семинариями,—впоследствии это стремление настолько было близко к осуществлению, что по инициативе отдельного кружка или семинарии созывались нелегальные районные с'езды воспитанников семинарий.

Развитие революционного движения учащейся молодежи не могло пройти незаметно ни для глаз духовного ведомства, ни для глаз правительства и особенно его верного слуги—жандармерии.

И лишь только в той или иной семинарии или светском учебном заведении обнаруживалось существование „тайного кружка“, как в след за этим производилось следствие, а за ним изгнание из семинарии, арест и высылка в „отдаленные места“ его участников. В эпоху развития и роста кружков—редко где увольнялись из семинарии воспитанники в одиночку,—чаще изгонялись из семинарии за «вольнодумство» одновременно 10—30 человек, что уже не могло гладко проходить и не могло не замечаться в обществе.

На массовые выступления семинаристов—начальство отвечало еще большей щедростью—увольнением всех главарей этих выступлений из семинарий, одновременно по 50 и более чел., и такие явления вскоре уже не волновали общественное мнение,—они стали обычным, повседневным явлением.

Подобного рода мерами церковная власть и царское правительство надеялись задушить развертывающееся революционное движение молодежи в духовных и светских школах, но—напрасно из этой попытки ничего не получилось.

На протяжении целых двадцати лет (1877—1896 г. г.) жандармерия громила окрепавшее все сильнее революционное движение молодежи, вырывая из его рядов десятки, ряд десятков, а не редко

и сотни лучших его представителей, но все-таки желанных результатов не добилась,—движение молодежи росло и крепло, пока, наконец, не вылилось в крепкую организационную форму общесеминарской организации, давшей в 1905—6 г. г. не один знаменательный бой самодержавию.

И вот в эту-то эпоху, особенно заметно, начало расти и шириться революционное движение молодежи и во Владимирской губернии, во Владимирской семинарии—будущем центре общесеминарской организации, где, как мы уже отмечали, существовал „тайный кружок".

Чем же занимались семинаристы в своих революционных кружках, какую работу они проводили в них и было ли в этой работе что-либо практически-ценное?

Кружки семинаристов и учащихся других школ проделывали, почти, однородную работу: устраивали конспиративные, чаще регулярные, собрания, на которых протекали «громкие» чтения политической литературы, заслушивались доклады, проводились беседы по вопросам „антиправительственного" характера или же обсуждались учебно-бытовые вопросы школьной жизни и, в связи с ними—деятельность кружка на ближайшее время. Иной работы, если не считать издания семинарских журналов и содержания „тайных" библиотек из запрещенных книг, кружки не вели, но и эта работа, по сравнению с тем, что было раньше, являлась уже большой работой.

Небезинтересно проследить, как росли и развивались семинарско-революционные кружки, как боролась с ними жандармерия и как семинарско-революционное движение, выходя из замкнутых рамок работы кружка—направлялось по пути массовых выступлений семинаристов.

Картина развертывания кружковой работы среди учащейся молодежи—духовной школы—и борьбы с кружками жандармерии рисуется в следующем виде и последовательности.

В 1880 году в г. г. Владимире организуется кружок в среде воспитанников мужской гимназии. Здесь, безусловно, на организацию кружка повлияла та работа кружка семинаристов, которая имела уже в этот момент место в гор. Владимире. Что видно и из целей образования этого кружка.

Вот что об этом говорит нам в своих воспоминаниях Сергей Шестернин: «ближайшей целью образования нашего кружка—помимо присущего юношеству стремления к товарищескому общению—было желание, во что бы то ни стало, иметь свою библиотеку». *)

*) „Федосеев Николай Евграфович" Г. И. З. 1923 г., стр. 104.

В кружке числилось от 15 до 20 человек, что в конспиративных условиях являлось большим количеством и тем более потому, что в то время во Владимирской гимназии было не более 200 воспитанников.

Основным ядром кружка были гимназисты, но к ним примыкали некоторые мелкие чиновники и студенты.

У гимназистов того времени к женщинам существовало, видимо, некоторое недоверие, и поэтому в кружке были всего лишь две женщины и то как исключение: В. Н. Златовратская (младшая сестра писателя) и Ольга Афанасьевна Воронцова.

Порой кружок гимназистов сливался с семинарским кружком и тогда число участников его доходило до 50-60 человек.

Надо отметить, что в гимназическом кружке наблюдалась какая-то особая текучесть состава, вызывавшая постоянные персональные изменения его членов.

На кружок гимназистов, как и на кружок семинаристов в гор. Владимире имел одно из значительных влияний уже известный читателю писатель - народник Н. Н. Златовратский, домик которого имел для Владимирской учащейся молодежи какое-то особое притягательное свойство.

Немалое влияние на кружки молодежи во Владимире оказывал и один из пионеров революционного марксизма в России Федосеев Николай Евграфович, находившийся в этот период времени в г. Владимире в ссылке. Николай Евграфович посещал собрания кружков молодежи, беседуя там по основным вопросам марксизма. В результате этих посещений большая часть членов кружков переходила на сторону марксистов.

Как уже видно из предыдущего, гимназический кружок часто сливался с семинарским. Давление крепости и авторитета семинарского кружка на кружок гимназистов окончилось тем, что последний слился с первым, что, приблизительно, было в 1895 году, когда кружок владимирской гимназии лишился своей библиотеки, так упорно создававшейся годами.

Вот как об этом говорит в своих воспоминаниях тот-же Сергей Шестернин: «Бедняки уделяли на покупку книг последние гроши, а более состоятельные товарищи давали уроки и весь свой заработок передавали на пополнение библиотеки. Насколько я помню, ни у кого из членов кружка не было своих книг, кроме учебников, и все книги для чтения жертвовались в библиотеку. Покупать книги было также не легко, так как в то время книжных магазинов во Владимире не было: для покупок пользовались разными оказиями в Москву; главными-же нашими поставщиками были 2-3 Московских букиниста, которые ежегодно приезжали к нам весною на ярмарку. Помню с каким увлечением мы переби-

рали привезенные книги, разыскивая среди них «Что делать?» Чернышевского, «Политическую Экономию» Милля с примечаниями Чернышевского, «Положение рабочего класса» Флеровского, «Шаг за шагом» Омулевского, «Знание времени» Мордовцева и другие наши любимые книги, которые мы не только перечитывали по несколько раз, но даже переписывали, ибо каждая книга ценилась в 20-25 р., а ведь это был целый капитал при нашем нищенском бюджете. Через 3 года настойчивых трудов у нас была солидная библиотека, а когда наш гимназический кружок об'единился с семинарским, томы обладали уже громадною библиотекою в 3000 томов. Хранить такую библиотеку в конспиративных условиях было уже трудно, и мы решили превратить ее в публичную, но наши планы не осуществились: губернатор не утвердил А. Н Златовратскую-Харламову (сестру писателя Н. Н. Златовратского) ответственным лицом по библиотеке, а другого подходящего лица мы подыскать не могли. Так эта библиотека и оставалась до середины 90-ых годов в положении нелегальной, пока она не была арестована, а затем по распоряжению губернатора наши книги и книжные шкафы были проданы с аукциона; к счастью, их приобрела только-что открытая незадолго перед тем городская общественная библиотека. Было создано многотомное дело об участниках кружка последнего десятилетия (1884-1894 г. г.), но, конечно, из этого дела ничего не вышло, и труды жандармов пропали даром *).

Постольку, поскольку основой гимназического кружка все-же была библиотека, то, вполне естественно, что с ее разгромом — должен был так или иначе сойти на нет и сам кружок.

Очевидно, учитывая это положение с гимназическим кружком, кружок владимирских семинаристов и завязал связь с мужской гимназией, начав обслуживать ее своей библиотекой и силами, влив членов ее кружка в число членов своего кружка.

Вот как об этом моменте рассказывает в своих записках И. А. Богословский: В означенном же году (1895 г. Д. Р.) семинарский кружок завязал сношения и с мужской гимназией, которая только-что лишилась всей своей библиотеки, целиком конфискованной местной жандармерией. Библиотека их потом легла в основу открытой вскоре публичной городской библиотеки за исключением, разумеется, тех книг, которые запрещены во всех и во всяких библиотеках и читальнях империи. С этого времени гимназисты могли получать книги из семинарской библиотеки, что и практи-

*) „Федосеев Николай Евграфович" ГИЗ, стр. 105.

ковалось в небольших размерах вплоть до 99 года, когда для воспитанников гимназии открылся новый источник пользования книгами*).

Такова, вкратце история, гимназического кружка во Владимире, слившегося с семинарским кружком.

В 1882 году в подольской семинарии был обнаружен в среде семинаров социалистический кружок, который занимался социалистической пропагандой в среде семинаристов и имел сношения с лицами революционного сообщества. В этот кружок входили учащиеся не только семинарии, но и местной гимназии и женского епархиального училища.

15 января 1884 года в Чернигове был открыт полпольный революционный кружок учащейся молодежи, в который входили и семинаристы. Кружок был обнаружен в момент своего собрания, на которое собралось 52 человека. Среди присутствовавших были найдены гектографированные листки для сбора пожертвований в пользу политических ссыльных, революционные издания и яд.

В июне 1884 года «неблагополучие» во владимирской семинарии известно стало даже департаменту полиции.

„Из полученных в департаменте полиции сведений, писало министерство,—усматривается, что в среде воспитанников владимирской семинарии существует некоторое брожение, выражавшееся в стремлении к организации кружков вредного направления.

Брожение это поддерживается сношениями с бывшими воспитанниками означенной семинарии, поступившими для продолжения образования в высшие учебные заведения".

Следствие выявило, что виновницей «вольномыслия» является тайная ученическая библиотека.

Об этой библиотеке стало известно еще в начале года и начальством были приняты меры к искоренению «вольнодумства», но эти меры вызвали лишь беспорядки в семинарии в марте м-це.

Эти беспорядки заключались в том, что семинаристы потребовали от своего семинарского начальства разрешения на организацию в семинарии ученической библиотеки.

Вот как об этом рассказывает в своих «записках по педагогике» все тот-же И. Богословский.

...«Среди воспитанников явилась мысль просить у своего начальства о разрешении открыть библиотеку официальную, которая находилась-бы на легальной почве и которая бы вместе с тайной библиотекой вполне удовлетворяла весь запрос желающих читателей целиком. Решено было устроить в зале семинарии общую сходку воспитанников, в присутствии всех через депутатов заявить начальству о

*) И. Богословский „Записки о педагогике для воспитанников семинарии" стр. 18. Кострома. 1921 год. Издание Кост. Н. О. по Из. М. К.

своем намерении. Устроена была в зале сходка. Сходка вышла довольно многолюдной и шумной. Депутаты пригласили ректора Херсакова и выразили ему желание всех воспитанников иметь ученическую библиотеку. Что в этом намерении воспитанников, равным образом и в способе его заявления начальство нашло предосудительного—трудно понять,—оно нашло человек 8-12 нужным навсегда уволить из стен нашей alma mater, хотя в общем финал этой истории вышел благозвучным: у семинаристов появилась официальная ученическая библиотека. По другим данным было уволено 5 воспитанников, 25 лишены казенного содержания и 10 наказано карцером. В городе отнеслись к семинаристам сочувственно и даже было собрано на пострадавших 80 рублей *)".

Осенью 1884 года о библиотечке узнала и жандармерия, поспешившая донести обо всем Победоносцеву.

Нити революционного движения в среде владимирских семинаристов были обнаружены еще и по тем связям, через взаимную пересылку политической литературы, которые семинаристы г. Владимира имели со своими знакомыми в Петербурге.

Благодаря открытию этих связей во Владимире были произведены обыски, особенно у семинаристов, уволенных за мартовские беспорядки в семинарии.

Ближайшими участниками тайной ученической библиотеки оказались ученики: *6-го класса*—Клавдий Тихонравов, *5-го класса*—Николай Виноградов, *4-го класса*—Константин Благосклонов, Алексей Щеглов, Николай Ермаков. Много книг у учеников было отобрано инспекцией семинарии. Виновники были уволены.

В июле 1884 г. обнаружился тайный кружок при роменском духовном училище, при чем весьма интересна конспирация этого кружка. Учитель латинского языка Н. З. Бутковский устроил хор певчих в романской вознесенской церкви, при чем в этом хоре пели политическо-неблагонадежные лица.

В ноябре-декабре 1884 г. выяснилось, что некоторые из семинаристов тульской семинарии принадлежат к революционному кружку и находятся в сношении с революционерами.

В марте 1884 г. в Киевской семинарии обнаружился революционный кружок, в котором принимали участие 6 преподавателей.

В июне 1884 г. выяснилось, что в симферопольской (таврической) семинарии с 1881 г. по 1883 г. существовал тайный кружок, в котором было 5 членов.

В мае 1886 г. обнаружился тайный кружок в тифлисской семинарии. Целью кружка было: „воспитывать людей с твердым характером и благим умом".

*) И. Богословский „Записки по педагогике для воспитанников семинарии". Кострома. 1921 г. Изд. Н. О. по из М. К , стр. 9.

В ноябре 1886 г. в донской семинарии 5 воспитанников устроили взрыв в квартире инспектора семинарии. Участники были выявлены, судимы и получили от 2-х месяцев до 3-х лет тюремного заключения.

В октябре 1886 г. обнаружился революционный кружок в черниговской семинарии.

С ростом кружков в отдельных семинариях революционное движение среди семинаристов укреплялось все силнее и, вот, начиная с ноября 1886 года в среде воспитанников духовной школы, сначала духовных академий, начинают возникать попытки к переходу от замкнуто-кружковой работы к практической работе по усилению революционного движения к массовым выступлениям.

Так, например, 17-го ноября 1886 года студенты петербургской духовной академии решили устроить по случаю 25-летней годовщины смерти литератора Добролюбова демонстрацию с устройством на Волковом кладбище панихиды, но эта демонстрация полицией была своевременно прекращена.

Желая в будущем пресечь подобного рода явления, министерство внутренних дел поспешило издать распоряжение, воспрещающее учащимся без разрешения на то своего ближайшего начальства участвовать в публичных выступлениях, не носящих чисто школьной окраски.

В 1887 году был обнаружен революционный кружок в Екатеринославской семинарии.

В этом-же году обнаружился революционный кружок в г. Костроме, в котором участвовала как учащаяся, так и неучащаяся молодежь.

В 1889 г. обнаружился революционный кружок в тобольской семинарии, где, надо отметить, начальство сумело выявить лишь библиотечку кружка.

В 1890 г. в казанской семинарии было открыто существование тайного журнала „Мечты", что тоже, можно полагать, исходило из деятельности роволюционного кружка

В этом-же году обнаружились „тайные" кружки в московской и самарской семинариях

В 1891 г. выяснилось существование нескольких „тайных" кружков в ярославской семинарии.

В марте 1891 г. обнаружилось существование социалистического кружка в Петербургской духовной академии, при чем кружок настолько вышел из подполья, что устраивал свои собрания на глазах начальства академии.

В мае 1891 г. обнаружился „нигилистический" кружок в Казанской духовной академии.

И чем дальше, тем сильнее развивалась кружковая работа среди семинаристов. И чем больше обнаруживалось кружков, тем озлобленнее становились семинаристы, в результате чего «в 1893 г. подвергся опасности от революционного настроения семинарской молодежи сам глава духовной жандармерии—К. П. Победоносцев. 21 июня на квартиру Победоносцева в Царском селе явился ученик псковской семинарии Владимир Гиацинтов и произвел покушение на его жизнь (бросился на него с ножем)» *). На допросе выяснилось, что Гиацинтов приехал в Петербург с целью убить царя, но не нашел его и решил убить Победоносцева, как ярого реакционера.

Этот поступок Гиацинтова характерен тем, что он оттеняет собой то влияние, которое оказывала на революционное движение молодежи того времени партия с.-р., привлекая на свою сторону революционную молодежь своей террористической работой.

Вот, как этот поворот в революционном движении того времени вообще характеризует т. Г. Зиновьев в своей книге „История РКП (б)" (стр. 67—68): „Своей террористической тактикой эсеры привлекали на свою сторону две группы студентов: с одной стороны, людей высокого мужества и безусловной искренности, как Балмашева, Карповича и Сазонова, которых тянуло к террору их горячее сердце, недостаточная вера в массовое рабочее движение и желание заменить его своей личной активностью; а с другой—к эсерам отходили люди типа Савинкова, которых влекли на эту стезю заложенные в них уже тогда зародыши авантюризма и вражды к рабочему движению. (Савинков тоже одно время считал себя социал-демократом)".

Семинаристы ближе других учащихся стояли к студенчеству в отношении связи с ним и поэтому слова т. Г. Зиновьева будут меткими по отношению и к семинаристам. Не имея еще организационного целого в своей среде, замыкаясь в тесные рамки кружковщины—семинаристы полагали (некоторые полагали, что своя—личная инициатива, направленная на истребление своих врагов, даст больше, чем кружки, чем все семинарское движение, но они, конечно, ошибались,—семинарское движение—в отношении организационного оформления и укрепления—шло правильными путями.

Как-бы там ни было, но попытка к убийству Победоносцева знаметальна тем, что она отчетливо передает то настроение, которое назрело и рвалось наружу внутри революционного движения в семинариях.

— Так дальше продолжаться не может,—нужно энергичное практическое действие!—раздавались возгласы.

*) „Молодежь и Революция", стр 63. Б. В. Титлинов.

«Практическое действие» одни видели в терроре, а другие в увязке с массой, в массовых выступлениях и вот этими-то двумя тропами и двинулось дальше революционное движение учащейся молодежи против царя, против самодержавного государства.

В декабре 1898 года на почве недовольств режимом семинарии—возникли массовые беспорядки в Тифлисской семинарии, каковые, в основе, носили политическую окраску. За беспорядки из семинарии было исключено 87 человек. В 1894 году происходили массовые беспорядки в орловской семинарии,—во время беспорядков в ход было пущено огнестрельное оружие (револьверы).

9-го мая 1894 года*) во Владимирской семинарии произошло покушение на жизнь ректора—архимандрита Никона (впоследствии экзарха (епископа—Д. Р.) Грузии, убитого в Тифлисе). Покушение было произведено единолично воспитанником семинарии Виссарионом Селининым, хотя его поступок, бессомненно, отражал общественное мнение семинаристов в их отношении к пострадавшему ректору.

Вот, как рассказывает об этом общественном мнении семинаристов по отношению к ректору Никону И. Богословский: ...„семинарист времени Никона не мог не читать книг, не мог в свободное время не обсуждать прочитанного, не мог не критиковать окружающую его среду, потому что всякие посторонние удовольствия, всякие средства и всякая возможность, кроме уроков, в часы досуга заняться чем-либо другим, напр. прогулкой ли в городе, посещением-ли театров, устройством-ли концертов, спектаклей, были строжайше воспрещены Никоном. Семинаристу оставалось чего делать, как не читать книги, а когда это надоедало, что делать, как не поговорить, не покалякать по поводу опять той-же прочитанной книги.

А так как отношение ректора было черезчур сухо, формально, распоряжения его, выговоры и наказания оскорбляли личность ученика, унижали ее, возмущали несправедливостями до боли, то естественно, что литература тайной библиотеки, как выяснявшая подневольное положение русского человека и в частности учащихся, нашла себе подготовленную почву в массе воспитанников—теперь до одного сплоченного и вооружавшегося против режима, введенного Никоном в стены семинарии, тяжелым гнетом и одинаково грузно ложившегося на каждого воспитанника, прежде разрозненного и расходившегося между собою в оценке своего начальства и порядка вещей. Вот почему в это время среди воспитанников,

*) Упоминание в своей книге „Молодежь и Революция" проф. Б. В. Титлиновым даты 1895 года (см. стр. 64) надо отнести или к описке, или к искажению факта материалом коим пользовался автор указанной книги, так как материалы этого не подтверждают. Д. Р.

благодаря такому положению дел, имела сильный и небывалый как никогда успех нелегальная литература заграничных фирм и издательств, преимущественно рабочих кружков, выяснявшая безвыходное положение рабочих классов, положение которых близко напоминало тогдашнее положение семинаристов. Среди воспитанников циркулировали даже прокламации и брошюры женевских и цюрихских анархистов с их штемпелем. Раздражение, которое царило среди воспитанников, недовольство их новым режимом, до невыносимости тяжелым, благодаря брошюрам и тайным листкам, формировалось и выливалось в революционную форму. Когда-же безотрадное положение в настоящем и беспросветная тень в будущем, недовольство и временно скрытое негодование семинаристов наполнили чашу терпения их с краями, то они пошли через край и в бурном потоке потопили и Никона и целую сотню неповинных учеников"*)...

А в своих воспоминаниях, сданных Владимирскому Испарту. А. А. Тихомиров—участник этого движения рассказывает, дополняя только что приведенное, что недовольство в семинарии зрело давно, что оно укреплялось еще тем отношением, какое имелось в то время у воспитателей к воспитанникам и обратно. Особенным свирепством по отношению к семинаристам отличались: ректор—архимандрит Никон, инспектор—иеромонах Евлогий и епископ Люблинский—член государственной думы и член синода (ныне проживает за границей). За их отношение к себе семинаристы дали им и соответствующие клички: „зверь", „иезуит", „сыщик", а журнал революционно-семинарского кружка посвящал им свои карикатуры, наряду с карикатурами на духовенство и монашество. Это, конечно, еще больше озлобляло «держиморд" владимирской семинарии и они еще сильнее нажимали на семинаристов, но это лишь подливало масла в огонь и семинаристы использовывали все, лишь-бы досадить своим «попечителям»; рисовались на иконах у „святых» рога, читалась запрещенная литература, пока, наконец, один из семинаристов—В. Селинин не произвел покушение на жизнь ректора—Никона. Интересен факт покушения и следствие о нем. Оказывается семинарист Селинин рубил Никону топором шею, но так как «достопочтенный" архимандрит весь заплыл жиром, по коже напоминал слона, то, немудрено, что топорище топора от силы ударов по этакой животине не выдержало и сломалось. Архимандрит Никон таким образом, «чудесно» на этот раз избежал скотской кончины. И когда, яко-бы, дело об этом покушении попало в руки Победоносцева, то не выдержал

*) И. Богословский. „Записки по педагогике для воспитанников семинарии". Кострома 1921 год, изд. Н. О. по И. М. К. стр. 11.

вождь жандармов духовной клики, усумнился и надписал на деле: „Ну и шея"!... Да действительно, это была именно шея, способная носить хомут самодержавного произвола—пес, который не мог уйти от скотской смерти и был убит, как убивают бешеных собак.

Поступок Селинина прокурорская власть никак не могла признать единоличным и всячески старалась выловить его сообщников, пустив в ход: подслушивания, запугивания и шпионство с подкупом.

Нашелся из среды семинаристов и такой что пошел на зов полиции, гнусно предавая ей, своих товарищей и их дело, - таким оказался в то время воспитанник 4-го класса семинарии *В. Стужин.*

Семинаристы перехватили письмо этого предателя к члену Правления Плаксину, уличили негодяя и потребовали его удаления из заведения.

.. «По чьей инициативе, не знаем, но только Стужин приглашает в сад при своей квартире агентов тайной полиции, которая и спряталась по кустам близ беседки, приглашает А. Е. Т ого, которого он и предал Иудиному целованию, угостив его вином и вызвав его на излишние откровенности относительно интимной стороны его знакомства с Селининым и прикосновенности его к кружку и библиотеке» *)... В результате этого предательства А. Е. Т—го попал в тюрьму, среди семинаристов начались повальные обыски и... обнаружение тайной библиотеки, каковая, однако, вскоре была выдана обратно за ненахождением в шкафе ее книг, запрещенных общегосударственной цензурой.

Эти события для членов кружка и для участников библиотеки все же не прошли даром.

... «За печальным фактом, имевшим место 9 мая, повлекшим за собой увольнение инспектора Иванова, помощников его В. С. Счастливцева, перевод Авророва, исключение 64-х воспитанников и увольнение 28 по прошению, первых с 4 поведения и некоторых без права в'езда в течение года в большие (университетские) города, затем оставление семинарии выпуска, в котором кончал Омутецкий С. П. (один из вдохновителей и усердных работников библиотеки Д. Р.) и многие другие, семинарский кружок опустел, а остаток его распался и в течение целого учебного года, 94—95, не мог сформироваться и приступить хотя-бы к малейшему шагу. Число воспитанников сократилось с 650 до 430, начальство держало себя как-то странно и оставшиеся 5—10 воспитанников, ранее имевшие только косвенное участие в жизни только что разбитого кружка, неопытные и испуганные

*) И. Богословский „Записки по педагогике для воспит. семинарии" стр. 12.

теперь не имели под собой ровно никакой почвы, опираясь на которую они могли-бы твердо стать на ноги и высоко, по прежнему поднять знамя, временно и так безжалостно сошедшего со сцены, расцветшего было, товарищеского кружка и его библиотеки»..*)

Вслед за распадом семинарского кружка—произошел, как мы уже указывали выше, провал и гимназического кружка *и его библиотеки.*

Казалось бы все – погибло, все кончено. Но здесь на помощь семинарстам приходит владимирская интеллигенция, *постоянно связывавшаяся с семинаристами,* и помогает семинарам восстановить к жизни их очаги революционного просвещения и деятельности.

Кружок ожил и работа в нем и в библиотеке зашумела, пополнившись свежими силами из среды гимназистов. (1895 г.).

В 1895 г. массово-демонстративные беспорядки имели место в Харьковской семинарии, где за беспорядки было исключено 35 человек.

В 1896 году обнаруживается существование „тайного" семинарского кружка в г. Казани.

IV.

Выступления той или иной семинарии, как бы этого и не хотело духовное начальство или самодержавное правительство, не оставались неизвестными для других семинарий. О том, что в семинариях неспокойно—знала каждая отдельная семинария, хотя бы из тех источников, которые переходили из семинарии в семинарию вместе с переходившими в них семинаристами.

Положение семинаристов сплачивало большинство из них в одну братскую семью и толкало к об'единению, а массовые исключения и аресты учащихся, усиливавшиеся по мере роста революционного движения, еще больше укрепляли эту сплоченность и наводили семинаристов на мысль к единению, к связи для борьбы и общности выступлений.

Семинаристы все больше и больше убеждались в том, что борьба в одиночку каждой семинарии ничего не даст, а стоит больших жертв, тогда как при едином натиске этих жертв будет меньше, а результатов--больше.

И вот еще в эпоху роста кружковой работы в семинариях начинают возникать попытки к установлению между семинариями связи по части создания единого фронта для общих выступлений и, прежде всего, на почве попыток реорганизации быта и учебы

*) И. Богословский. „Записки по педагогике для воспитанников семинарии". Кострома 1921 г., стр. 12.

в семинариях, что было самым близким для семинаристов, на чем можно было строить фундамент сплочения всех до одного семинаристов и вовлечения их в революционное движение.

И вот еще „в 1880 году среди воспитанников рижской семинарии возникла мысль обратиться с коллективным общесеминарским ходатайством об отмене распоряжения 1879 года, касающегося свободного доступа в университет по окончании 4-х классов семинарии. С этой целью была затеяна переписка с семинариями и на имя обер-прокурора стали поступать семинарские петиции". (Б. В. Титлинов. „Молодежь и Революция", стр. 28).

Подача этих петиций, как и следовало ожидать, не увенчалась успехом, но здесь интересен факт попытки к установлению связи на основах согласованной борьбы за общие—семинаристов интересы.

Подобного рода попытка повторилась в 1882 году,— по инициативе одесских семинаристов между семинариями велась переписка с агитацией в пользу подачи ко дню коронования императора общесеминарской петиции на имя царя об отмене экзаменов зрелости при поступлении в университет для семинаров, окончивших 4-е класса семинарии.

Этот шаг был слишком неприятен духовному начальству. Для него подача „коронованному" петиции семинарами сулила чреватые неприятностями последствия, и оно сумело во время пресечь эту попытку.

Здесь мы подмечаем, что духовенство, почуяв грозу от семинарского об'единения решилось разбить его и, конечно, на время духовенство сумело оттянуть создание такого рода об'единение, но... только—на время.

В 1896-1897 г. г. Владимирскому кружку семинаристов удается об'единить вокруг себя и в сфере своего влияния 24 кружка большею частью семинарских губерний: Нижегородской, Самарской, Ярославской, Тверской, Тульской, Костромской, Орловской, Смоленской, Архангельской, Тифлисской, Томской, Саратовской, Ставропольской, Черниговской, Киевской, Оренбургской, кружков Шуйской гимназии, Владимирской мужской и женской.

В своей Владимирской губернии организовали центральный комитет всех об'единенных семинарских кружков перечисленных губерний,—точнее этот комитет носил следующее название: *„Владимирский комитет общего союза кружков об'единенных семинарий".*

На организацию такого комитета владимирских семинаристов натолкнуло желание подать высшему начальству общесеминарскую петицию, касательно допуска в Юрьевский университет и на мате-

матический и историко-филологический факультеты Варшавского университета воспитанников семинарий, окончивших не только по 1-му, но и по второму разряду.

Была избрана комиссия из 5 человек по выработке общесеминарской петиции и когда петиция была готова – начались сообщения и сношения с другими семинариями.

Приводим здесь первое письмо — воззвание первого центрального комитета семинарской организации ко всем кружкам семинарий.

— „Товарищи, не весела наша жизнь семинарская. Строгий бурсацкий режим душит всех, у кого ум не дремлет, а сердце еще не разучилось любить. Думается поэтому нам, что не весело и вам живется. Но если это так, то неужели нам и остается только горевать, да тяжело вздыхать под бременем семинарского режима и ничего не предпринимать для улучшения своего положения. Вы, конечно, спать не согласитесь. Да и мы говорим, что спать не стоит, а надо работать. Мы уже и работаем в данном направлении насколько хватит сил. Эта же работа и породила у нас мысль, что, может, мы не одиноко стоим на этом пути, и что, может быть, и в других семинариях есть работники, нам подобные. А если же так, то зачем этим работникам, служащим одному делу, брести в одиночку. Азбучная истина гласит, что чем больше лиц трудятся над одним и тем-же делом совместно, тем вернее успех этого дела; несомненно и наше дело было-бы успешнее, если бы мы завели живые сношения друг с другом — семинария с семинарией путем переписки. С полной уверенностью можно надеяться, что результаты таких сношений были бы самые блестящие. Тогда явилась бы сильная нравственная поддержка в нашей общей борьбе с темными сторонами семинарской жизни при сознании, что рука об руку с тобой по тому же пути идут сотни, тысячи товарищей: тогда был-бы живой обмен мыслей,—что, конечно, весьма важно для саморазвития, тогда знакомство с бытом других семинарий, с жизнью их кружков и обществ, много научило-бы нас опыту, тактике и т. д. и т. д. Кажется нам, что приведенные основания настолько важны, что они одни должны вызвать ваши сочувствия к нашей идее— единение всех семинарий путем переписки. Можно бы, разумеется, приведенные выше основания развить еще больше, но это дальнейшее развитие предоставляется вам самим. Постарайтесь обсудить наше настоящее предложение всесторонне и о принятии его или отклонении его известить и нас по возможности в скором времени. План переписки таков: наша семинария, коей принадлежит инициатива переписки, соберет материал о положении всех семинарий, на основании собранного материала составит книгу, которую мы и постараемся в 2-х экземплярах разослать в каждую

семинарию. Затем приступит к выработке известной программы для действия сообща и т. д. Такого рода воззвания разосланы нами будут во все семинарии. Ответы на них покажут, есть-ли у семинаристов стремление к единению или нет. Если есть, то тотчас-же, по получении ответов, мы и приступим к осуществлению нашей идеи. При чем всеми указаниями воспитанников других семинарий по данному вопросу мы будем дорожить и за них сердечно благодарить. Адрес наш г. Владимир, №№

P. S. Места, более не удобные в переписке, просим писать знаками прилагаемой при сем письме азбуки*... (Азбуки автору отыскать не удалось Д. Р.).

К означенному письму были приложены еще и те 2 пункта вопросов, на которые кружки других семинарий должны были отвечать.

Мы приводим их кратко:

„а) общественная жизнь в семинарии. Проявление ее, организация библиотек, кружков по ведению библиотечного и связанного с нею дела, касс, сходки, предметы обсуждения на них, собрания разного характера и цели, устройство концертов, спектаклей, выписка газет и журналов. Случаи в примерах из вашей семинарской жизни, как характерные для степени развития общественности в вашей среде, проявления ее: стремление семинаристов к улучшению своего положения (бунты, общие собрания), с одной стороны, и как иллюстрация взаимных отношений воспитанников и начальства (семинарского, жандармско-полицейского, общества и т. д.), с другой; б) экономическая сторона семинарского быта. Семинарские помещения: казенные (характеристика их с разных точек зрения, гигиены, комфорта и т. д.), частные (квартиры, их характеристика). Число учащихся в тех и других. Отношение инспекции к тем и другим. Пища, одежда (со стороны формы, качества, количества). Распорядок повседневного быта в семинарии. Его оценка и т. д. Ваши сведения о нашей семинарии, если имеете, то какие они.

Первое письмо было разослано в 21 семинарию, которые незамедлительно и дали свои ответы. В ответах звучало полное согласие с владимирцами и готовность помочь им всем по силе возможности.

За этим письмом кружок владимирских семинаристов разослал второе письмо, в котором, кроме критики системы семинарского образования, воспитания, права окончивших духовные семинарии и указания на причины, вынуждающие добиваться более широких льгот и прав, а равно и средств к этому—запрашивались окончательно сведения о согласии или отклонении: а) войти в общий союз русских семинарий, а в роли посредствующей между всеми

об'единенными семинариями признать Владимирскую, выделившую из своего кружка особый комитет по заведыванию всех дел означенного общего союза об'единенных семинарий, б) о своем желании или нежелании подчиняться данному комитету и предоставлении ему играть более активную роль и на правах уполномоченного в посредничестве с министерством просвещения и во всех дальнейших делах первой важности, и третье, в) о согласии или несогласии со своей стороны отвечать на все вопросы в интересах союза. В этом же письме, также разосланном в 21 семинарию, точно формулировалась задача и цель союза: *«шире растворить двери в университеты для семинарской молодежи»*.

Вот что говорит о результатах этих сношений с другими семинариями владимирского кружка И. Богословский: «В течение великопостной трети были получены ответы отовсюду—ответы положительные, кроме двух семинарий по неизвестной причине. Все означенные семинарии выразили свое полное согласие и подчинение нашему комитету об'единенных семинарий, предоставив ему право активного действия. Попутно с выяснением числа семинарий, желающих принять участие в общей петиции министерству, во все семинарии разосланы были вопросные бланки, выяснявшие положение общего дела в других семинариях, их положения экономического и умственно-воспитательной постановки их. Нам удалось собрать обширный материал о положении воспитанников в дух. учебн. заведениях, вскоре, однако-же, почти целиком поступивший в архив местного жандармского управления» *).

Для характеристики положения в этот период времени в семинариях—приводим здесь ответное письмо Владимирскому семинарскому кружку от Астраханской семинарии. Вот что они пишут.

— „Дорогие товарищи! Ваше предложение вступить в общую борьбу с общим врагом наш кружок охотно принимает и с своей стороны, насколько это возможно, постарается завербовать другие семинарии. Не знаем, вступили ли вы в сношение с Тамбовской семин. и Тифлисской—и в той, и в другой, из достоверного источника нам известно, существует семинар. организация, а в последней (в Тифлисской) довольно сильная, с боевым характером. В Тобольскую же послано предложение войти в общий союз об'единенных семинарий и скоро вы получите от них извещение. Ответы на наши вопросы подробные и более или менее обстоятельные, будут высланы вам не ранее того времени, которые вы обозначили—наступают экзамены, приходится ради шкуры собственной подтянуться, материалы-же собираются, и тогда к означенному вами сроку придется только привести их в должный порядок. Сейчас же

*) Библиотека общественных движений в России XIX и XX в., выпуск IV, г. Кострома. 1921 г., стр. 14, 16, 17.

мы только вкратце сообщим кое-что. Не безызвестно вам, что в нашей семинарии безлюдье—всего 168 чел., а оттого и кружок наш не богат численностью. Являясь полными невеждами из дух. училища, семинаристы в большинстве случаев не могут приучиться к правильному мышлению, к разумной сознательной работе. Поэтому большинство представляет из себя тип заурядных личностей, из которых впоследствии сформируются негодные попы и дьячки. Относясь почти индифферентно к своему умственному и нравственному развитию, многие в особенный антагонизм к товарищам противоположного направления не становятся. Ищущие самообразования и саморазвития сплотились в кружок, который то полнел, то убывал, то жил энергичнее, то затихал не так давно, больше 5-ти лет тому назад. Конечно, постарались обзавестись библиотекою, правда не очень богатою книгами в количественном отношении. Жизнь кружка нашего после истории в 95-96 уч. году в начале нынешнего года немного притихла, теперь-же забилась энергичнее, живее.

Про окружающую нас среду из городской интеллигенции, нужно с горечью на сердце признаться—она не очень благоприятна. Заброшенный в сторону от удобных путей сообщения, целые 4 м-ца запираясь в самом себе, как улитка (во время разлива реки), с инородческим восточным населением, наш город не обладает счастливыми благоприятными условиями для развития умственной живой работы. Много, конечно, виновата и сама интеллигенция. Апатия, отсутствие энергии, безмолвие какое-то, погружение в житейские страстишки раз'едают ее. Есть, конечно, здесь и светлые личности среди нашей обездоленной интеллигенции, личности, у которых еще не потух внутренний жар работать не на словах только, а на деле, которые „живут" не только сами, но и других пробуждают от умственного сна, обломовского безмолвия и безволия и заставляют учиться, читать, наблюдать, думать. Один из подобных людей имел нынешний год с нами сношения, но, к нашему большому сожалению, его пребывание в нашем городе временное и вот вот близится конец. Не знаем мы, как у вас на этот счет, а что касается нас, то со стороны ждать поддержки действительной и верной—довольно сомнительно. Не подумайте, чтобы это обстоятельство в конец подавляло нас собою, „что начато, то не должно погибнуть или заглохнуть" и у нас есть основания принять эту мысль: нынешний год заметно особенное пробуждение кружка, а на следующий год он пойдет жить крепче, бодрей, энергичнее.

Мы—оканчивающие курс и вот-вот долженствующие расстаться с семинарией minimum на целый год—нам хотелось бы и интересно знать, по крайней мере, главные основания предполагаемой совместной работы, борьбы с общим нашим врагом. Будет на ду не

спокойнее, сердце отляжет, когда будешь скорее знать это, ergo, если можно, то сообщите скорее и до 10 13 июня, потому что больше нас не будет в городе. Ждем письма из Тамбова, чтобы послать туда ваше предложение, которое, конечно, принято будет с охотою и радостью; наведут справки про Тифлисск. семинарию. Продолжаем:

У гимназистов, реалистов кружков самообразования, организаций и библиотеки при них не имеется. Есть между ними читающие и довольно начитанные, но идут „по-одиночке", вразброд. Тот же самый господин организует кружок среди реалистов (и не без успеха), так что тогда будет живей среди учащейся молодежи. А если бы вы знали, как поднимается дух, является энергия, под'ем силы, когда известно, что ты не один в поле воин, что за то же дело борются целые десятки, сотни людей, что они готовы всегда поддержать падающий дух и словом ободрения, и делом. Молим судьбу о полном успехе нашего предприятия, сами же будем стараться общими силами, единодушно и единогласно поставить его на твердую почву, сделать его разумно и практично. Мы—астраханцы, с полной готовностью подаем вам, добрые товарищи, свою руку, и будем вести честно и добросовестно, и неленостно общее дело. Относительно «благополучности" про нынешний год должно сказать - да. Инспекция в лице нового инспектора, очень несимпатичного, правда, суб'екта, нелюбимого учащимися, не предпринимала никаких гонений на читающих; ограничилась только несколькими обысками, да и то случайно. Очевидно, инспектор лавирует и подстраивает махинацию; ведь прошлогодняя история ему известна. А в прошлом году эта история возникла из-за выеденного яйца, хотя грозила окончиться скверно, а для некоторых и окончилась не совсем желательными последствиями. Но подробности этого до следующего раза. Вообще-то говоря, у нас все спокойно и сходило благополучно, да и теперь, как только позабудется, изгладится из памяти прошлого года история, тогда можно будет действовать смелее и живее. А пока стараемся быть осторожней, хорошенько закрепить наше кружковое дело, совсем было расстроившееся. Когда мы прочитали ваше предложение и увидали, как блестяще стоит дело, как у вас энергично работают, то лица прочитавших ваше предложение и письма как-то засияли живей; про Тамбов кратко сообщаем вам следующее: кружок начался там года три тому назад (94 г.), мысль возникла самостоятельно у одного 4-то-классника; теперь у них до 200 книг, идут чтения, хотя жаловались, что неособенно оживленно; семинарское начальство узнало „про читающих", не преследовало особенно, или, вернее сказать, не могло проследить. Между прочим, ректор изблеял замечательные слова, которые достойны занесения на

золотые страницы истории русского просвещения: «лучше бы курили, пьянствовали и делали что-нибудь подобное, но не читали этих книг!..» Его прекрасно отшили и он остался не причем. Теперь все воспитанники знают про существование библиотеки, относятся хорошо, берут читать.

Между прочим, у Тамбовцев существует следующий способ хранения библиотечных книг и рукописей: все книги разделены по числу книгохранителей (их 10) под непосредственным наблюдением главного библиотекаря, через которого и узнают у кого такая-то книга. При малом пока количестве книг способ этот удобен, но частые выходы книгохранителей сем., увеличение числа экземпляров книг в библиотеке—заставляет оставить этот способ. Тифлисская семинария работает очень живо. Южане, горцы, питая национальную ненависть к монашествующей инспекции, протестуют единодушно и крепко. Так что недавно, года 3-4 тому назад, семинарию закрывали (вооруженное нападение и убийство ректора), была масса уволенных, даже без права поступления в какие бы то ни было учебные заведения. Двое из уволенных поступили к нам в пятый класс и нынешний год кончают курс. Они передают, что там идет оживленно кружковая работа. Читают, делают рефераты, имеют связи с посторонними лицами, имеют библиотечку, несмотря на такие строгости, что за чтение «Отцы и дети» или „Мертвый дом" их наказывают карцером и даже увольняют. Ведь просто мы не верили их рассказам; ведь это чистая невозможность; нечего говорить, как жали и давили, всячески насиловали, отвратительно кормили и (что верх наглости и издевательства) глумились над национальностью (семинар. большинство грузинцы). Но они и дали же им отпор, настойчивый, твердый и благоразумный: не стали ходить в классы и на обед, послали депутацию и требовали к себе экзарха. Приехал даже товарищ обер-прокурора и постарался,.. разогнать, почти что только и сделал. Ну, они вам сами сообщат все подробно и обстоятельно, согласно вашей программе. Пишите, что и когда найдете необходимым.

Ваши друзья и братья Астраханцы.
6-го мая 1897 года*)".

Подобного рода письма давали, конечно, центральному комитету огромный материал, который обобщался, как опыт, и рассылался по семинариям.

Получая известия о работе в других семинариях—в каждом кружке поднимался дух бодрости, большая энергия и настойчивость, перешедшая вскоре к массовым волнениям повально во всех семинариях.

*) Библиотека общественных движений в России XIX и XX в. Выпуск IV. Кострома 1921 г., стр. 21 -24.

Наряду с работой по об'единению в союз отдельных семинарских кружков—Владимирский семинарский кружок вел интенсивную работу и в своей семинарии, даже не только в ней.

В эту пору владимирцы задумали проделать (и проделывали, частично) работу по просвещению темных народных масс, путем пополнения библиотек сельских школ и читален, собирая по грошам средства на это дело в своей среде. По этому поводу кружком было выпущено даже особое воззвание к семинаристам. Воззвание переходило с рук на руки, а за ним следовал человек с шапкой, которая быстро наполнялась деньгами.

На собранные деньги была куплена литература, лишь часть которой попала по назначению, а остальная была отобрана инспектором Евлогием. Но и часть отосланного имела успех,— в семинарию присылались благодарственные письма от сельских учителей, в которых испрашивалась литература и еще.

В этот-же период кружок владимирских семинаристов встает окончательно на правильный организационный путь. Окончательно фиксируется организационное строение кружка и библиотеки,— вырабатываются правила-устав. Для характеристики деятельности кружка мы приводим здесь самые существенные §§ этих правил:

§ 8-ой. (Проредактирован был снова весь в 1901 г.). Должностными лицами наз. те, которые выполняют работы общества. Так как работа общества может быть постоянная и временная, вызванная каким нибудь обстоятельством или случаем, то и самые должностные лица подразделяются на постоянных, избираемых ежегодно, и временных, избираемых по каждому отдельному случаю.

§ 9. Общество должно состоять не менее, как из 4-х членов (непременных): 3 члена исполнителя и из них 1 выбирается председателем общества и одного члена кассира.

§ 11. Кроме непременных 4-х членов, в общество избираются помощники им, числом тоже 4. На обязанности их—выполнение работы первых за их кратковременным отсутствием по той или иной причине и в обычное время содействие им.

§ 14. Члены-исполнители (4) должны быть избираемы по одному из 3-х высших классов. Помощники их из 2, 3 и 4 классов.

§ 18. Член «исполнитель» должен ведать все взятые им и его помощниками книги, вести точную им запись и следить, не лежат ли взятые книги без употребления, в таком случае снести их куда следует или пустить в употребление.

§ 19. Помимо общего места хранения книг, член-исполнитель должен заботиться о приисках еще частного места хранения книг для себя.

§ 22. Товарищ исполнителя доставляет книги в свой класс, получая их от своего исполнителя, руководству которого он подчиняется во всем.

§ 27. Председатель ведет общую запись всех выданных книг на отпусках, а в учебное время должен лишь, сносясь с исполнителями, знать, какие книги находятся в их ведении.

§ 29. Председатель ведет отчетность по делам библиотеки, которую и представляет 3 раза в год на осеннем, январском и майском собрании всех членов Об-ва: а) о количестве читающих книг в разных классах и отделениях, б) о числе книг выдаваемых по классам и отделениям, в) о количестве утерянных, конфискованных и вновь приобретенных книг и рукописей.

§ 31. Председатель непременно участвует при назначении книг на отпуски.

§ 33. Председатель с согласия членов (3-х или 4-х) назначает собрания, указывая время и место сходки.

§ 34. Ему два голоса на собрании.

§ 35. Он следит за порядком прений на общих собраниях.

§ 40-50. Кассир лучше всего выбирается из городских воспитанников (в предупреждение липшиться денег). Ведет всю отчетность по поступлению доходов (членских, частных, лотерейных и т. п.) и расходов; представляет эту отчетность собраниям и частным образом председателю—в промежутки времени между собраниями. В случае утрат денег кассир всегда и безусловно отвечает за них.

§ 50-60. Члены О-ва—соревнователи. Число их неопределенно. Обязанность их—содействие делу кружка, пропаганда, материальная поддержка, не имеют права голоса на сходках общества и т. под. Интересна и обстановка работы центрального комитета союза,—вот как о ней вспоминает И. Богословский: „местом обсуждения текущих дел союза в течение зимних месяцев для комитета служил дровяной сарай при новом корпусе в ночное время с 10-ти до 11 часов в будни, а по канунам праздников до первого—при освещении фонаря и под прикрытием дровяных поленниц, высокой стеной закрывавших левую сторону „Ареопага“ при бдительном надзоре часовых из „зрячих“. Были недели, когда комитет собирался ежедневно. На этих ночных собраниях был выработан и проект об организации библиотек в тех семинариях, в коих их не имелось Тогда удалось, напр., завязать непосредственные, живые сношения с воспитанниками вифанской семинарии и положить там начало библиотеки, теперь окрепшей и твердо организовавшей вокруг себя кружок, правда незначительный, но дружный. Для означенной семинарии были приобретены и пожертвованы нами несколько редких книг: „Знамение вре-

мени" Мордовцева, „Исповедь" Л. Толстого, „Мыслящий Пролетариат", „Наши усыпители" Д. И. Писарева и т. п., чем и положили начало вифанской библиотеке *1) *2).

Но такой под'ем в работе владимирцев продолжался недолго. В Твери было перехвачено письмо владимирского кружка, переслано в Синод, а тот передал его в Департамент полиции. Последний предложил Владимирскому ген. Н. И. Воронову произвести следствие по этому поводу. Началась травля (поиски) кружка, который был вынужден на время затихнуть, чтобы, начиная с 1905 г., проявить себя с новой силой. В результате окончания следствия трое лучших деятелей кружка были выброшены из семинарии, а 13 воспитанникам «заподозренным» дали в выпускной 4 поведения и неодобрительные отзывы.

Семинаристы пытались академической борьбой, да подачей петиций добиться своих прав, тогда как правительство смотрело на это иначе, укрепляя линию классового подбора светских высших учебных заведений, оставляя за «поповичами»—семинарию, а в будущем—приход.

Но семинаристы, как видится, не усваивали еще роли школы в классовом обществе, т. е. не сознавали еще, что школа не может быть внеклассовой, особенно высшая школа, и писали петиции о том, чего нельзя, невыгодно было изменить государству.

Но вот в 1899 году возникают массовые беспорядки в казанской и псковской семинариях, где воспитанники проявляют необычайные до этого времени сплоченность и упорство, что дало повод духовенству к размышлениям и вскоре оно узнало, что это исключительное упорство об'ясняется тем, что уже возник общесеминарский союз и что его центром является казанская семинария. Об этом «открытии» скоро узнали все семинарии, так как синод своим циркуляром от 21 июня 1899 года сам оповестил всех об этом. (Для семинаристов это было действительно „открытие", так как все знали, что их центр—Владимир).

Это открытие в конец обозлило духовное начальство (и жандармерию) и оно в особом циркуляре предлагало в случае возникновения мятежей не считаться с мятежниками и увольнять их из семинарий поголовно всех.

Духовенство и жандармерия рассылкой своих тревожных циркуляров, о которых не могли не узнать семинаристы, рекламировали казанский «центральный комитет», который и в самом деле стал в самом ближайшем времени связующим звеном между семинариями, став 2-ым ЦК или „действующим на правах ЦК", как его называли в отличие от Владимирского и „настоящего" ЦК.

Страшны-ли были теперь „юным" революционерам происки светской и духовной жандармки, если у них есть свой «Цека», да еще не один, а целых два и семинаристы, сплоченные вокруг этих своих «Цека», двинулись в дружную атаку за завоевание своих прав.

И уже весной 1899 года волновались сразу несколько семинарий, требуя изменения школьного режима, требуя приравнения семинарий в правах к светским учебным заведениям.

Осенью наблюдалось некоторое затишье,—волновалась лишь одна екатеринославская семинария, которая и была об'явлена закрытой до конца учебного года.

В декабре 1899 года волновалась волынская семинария. В 1900 году волновалось снова несколько семинарий, среди которых выделялись особым упорством и настойчивостью тульская и тифлисская семинарии.

В 1901 году дело пошло еще бойче,—в семинариях возникали ячейки (комитеты), которые взяли на себя установление связи с соседними семинариями, благодаря чего выступления вспыхивали одновременно в нескольких семинариях и не переставали с этого момента перекатываться от одних семинарий к другим вплоть до 1907 года.

В 1901 году особенно сильно волновались семинарии: тульская, калужская, орловская, рязанская, казанская, иркутская, виленская, курская, ярославская, вологодская, полтавская, ставропольская, донская, тобольская и пермская.

В 1901 году предполагалось даже устроить всероссийский с'езд семинаристов в конце июня месяца, но он почему-то не состоялся.

В 1902 году волнения в семинариях настолько усилились и приняли серьезный характер, что в некоторых местах на помощь духовной жандармерии для усмирения «бунта» приглашалась конная и пешая полиция.

В 1902 году волновались семинарии: тамбовская, симбирская, архангельская, подольская, вятская, об'явившая, между прочим, себя 3-им центральным комитетом (группой), курская, волынская, одесская, рязанская и владимирская.

В 1903 году волнения прокатились по семинариям: томской, смоленской, екатеринославской, красноярской, тифлисской, псковской, в кутаисских (Кавказ) духовных школах и даже в женских к тому-же...

*1) „Биб. Общ. движения в России XIX и XX в. в. IV. Кострома 1921 г. стр. 17.

*2) В описываемое время часто некоторых книг нельзя было достать и в печати и семинаристы приобретали их путем переписки экземпляра от руки. Оригинал дробили на 2-3 листа, делились листы и переписывались, после переписанное складывалось. Также приобретались и дорогие книги.

Революционная атмосфера в рядах молодежи накаливалась, накаливалась революционная атмосфера и среди населения,—приближалось что-то роковое и неизбежное.

Небезинтересно отметить здесь и отношение революционной учащейся молодежи к японской войне, которое также в известной части окажет нам услугу в определении физиономии этого движения.

Из истории РКП (б) и революционного движения в России вообще мы знаем, что в эту эпоху в России существовало так-называемое «пораженчество» и «японофильство»—подобным настроением были заражены, не все, конечно, и участники революционного движения молодежи, в частности, например, г. Кутаиса.

В г. Кутаисе ученики семинарии, покинув занятия, присоединились к уличной демонстрации и поддерживали крики толпы: «Да здравствует Япония! Да погибнет Россия!».

— Лучше поражение России, чем усиление власти помещиков,—говорила одна часть буржуазии.

— Лучше поражение, чем рабоче-крестьянская власть,—говорили наиболее дальновидные из буржуазии.

— Пал Порт-Артур... падет и самодержавие,—говорили третьи.

— Превращай войну империалистическую в войну гражданскую,—говорили большевики рабочим и крестьянам России.

За кем шло революционное движение учащейся молодежи, поддерживая лозунги буржуазии, если не за ней?..

В 1904 году волнения охватили семинарии: тобольскую, саратовскую, калужскую, волынскую и снова владимирскую.

V.

Мы видели выше, как росло и ширилось революционное движение в семинариях и какие периоды развития оно проходило, пока не встало во всю свою величину и не сделалось угрозой для духовной и светской жандармерии, а равно и для самодержавного трона.

Этот под'ем в движении, безусловно, надо отнести к результатам работы новых «ЦК», которые продолжали будировать семинарские массы, рассылая по семинариям письма и воззвания.

Особенно успешную работу в этом отношении вел центральный комитет во Владимире, далеко превзойдя казанский.

Еще в феврале 1905 года одно из воззваний Владимирского Центрального Комитета было перехвачено духовной жандармерией в донской семинарии.

В воззваниях ко всем семинаристам владимирцы вели агитацию за подачу общей, от всех семинарий, петиции в синод и к министерству и одновременно за созыв с'езда семинаров в Н.-Новгороде.

За созыв с'езда в Н.-Новгороде в то время агитировали и не только владимирцы. Получив их воззвания, другие семинарии подхватывали это предложение и несли в другие. наиболее отдаленные семинарии, приглашая и их присоединиться к с'езду и подаче общей петиции, при этом оговаривалось, что о согласии требуется сообщение владимирской семинарии.

Семинарский с'езд приурочивался к нижегородской ярмарке, но этот с'езд не состоялся, состоялся с'езд во Владимире позднее временем, где и было положено начало общесеминарского союза.

Некоторые из семинарии, при проведении агитации за созыв с'езда в Н.-Новгороде, пытались созвать с'езд и у себя—районный и, надо отметить, что несколько таких с'ездов состоялось и, что возможно, что и в Н.-Новгороде мог собраться подобного рода с'езд, но только-лишь не общесеминарский.

Развитие в описываемый период революционного движения во Владимирской губернии в *рабочей* и крестьянской среде и в среде семинаристов не могло, конечно, не затронуть учащихся других учебных заведений губернии и вот, начиная с 1-го марта 1905 года, мы наблюдаем в учебных заведениях Владимирской губернии целый ряд революционных выступлений, базировавшихся, в основном, на желании перестроить школу на иных-свободных началах, где будет действительно развиваться мозг и где действительно будут даваться учащимся знания, но где не будут затемнять мозга прививкой боязни царя, бога и... господа-капитала.

На этих выступлениях, как фактах, имеющих исключительное значение, мы и останавливаем внимание читателя.

1-го марта 1905 года обнаружилось движение среди муромских реалистов. Шифрованная телеграмма муромского исправника —Лучкина, присланная на имя владимирского губернатора, гласила: «нынче обнаружилось волнение между учениками реального училища, собираются пред'явить петицию о желательных нововведениях и об увольнении четырех учителей; после классных занятий гуляли группами».

Губернатор ответил: «Ваше дело предупредить родителей, действуйте совместно с директором, избегайте насилий»

Из дальнейших рапортов исправника картина волнений рисуется в следующем виде: 1-го марта ученики на одной из перемен уроков собирались по группам и горячо обсуждали проект петиции, составленный для представления начальству.

В проекте выражались следующие желания учеников: 1) увольнение четырех учителей, 2) полная неприкосновенность избранных депутатов, 3) возвращение в училище уволенных за пьянство двух учеников, 4) вежливое обращение с учениками, 5) присутствие родных на педагогических советах, 6) надзор за учащимися лишь в стенах училища, 7) надзор за религиозными обязанностями учеков подлежит всецело церкви, а не преподавателю закона божия, 8) училищный зал предоставляется для нужд учеников. 9) дежурные не отвечают за беспорядки в классе, 10) внимательное отношение к жалобам учеников.

Администрация училища пробовала уговорить учеников, но тщетно,—ученики на следующий день отказались от занятий и подали директору петицию, сводившуюся в основном к следующему: 1) допущение в совет с правом голоса представителей от семей, 2) ограничение власти начальства стенами училища; внешкольная жизнь находится в ведении родных, 3) выразить порицание учителям (названы фамилии), 4) частичный контроль над преподавателями, 5) посещение общественных собраний и учреждений, 6) неприкосновенность личности депутатов учеников, 7) отмена жандармских обязанностей, возложенных на дежурных, и сыска во всем его об'еме с его задабриваниями, запугиваниями, вскрытием корреспонденции, 8) отмена усмотрения (самоуправства педагогов Д. Р.) и замена его более легальными мерами, 9) добросовестная оценка знаний, толковое об'яснение задаваемых уроков и вежливое отношение к ученикам всех классов, 10) свободный доступ учеников в залу реального училища, 11) отмена обязательного хождения в церковь, 12) возможность получать книги из фундаментальной библиотеки 4, 5, 6, 7 классам, 13) внимательное отношение к просьбам и жалобам учеников, 14) отмена увольнения за невзнос платы при наличии капитала в обществе вспомоществования бедным ученикам реального училища.

Одновременно, с подачей петиции, ученики распространили воззвания к ученикам и родителям. Воззвание к ученикам было направлено против «мамкиных сынков» и было довольно-таки наивного свойства,—оно гласило: „Товарищи! В единении сила! Сегодня, 2-го марта, была оскорблена наша порядочность и идея товарищества: до сих пор мы были убеждены, что в нашей среде есть только порядочные люди, но сильно в этом разочаровались; среди пшеницы оказались мерзкие плевелы, жалкие намеки на человека и человеческое достоинство. Подернутые легким слоем либерализма, эти ученики до сих пор считались людьми, а дошло дело до защиты своих прав, они оказались подлецами: „нам хорошо, а до в'с нам нет дела—черт с вами". Таковы убеждения жалких выскочек—это очень веский аргумент, чтобы успокоить их

мозолистую, миниатюрную совесть и заглушить в их заячьих душонках хорошие побуждения, если только они раньше были. К тому-же, как рьяные почитатели «умеренности и аккуратности» Молчалина они понимают, что держать руку начальства в такой серьезный момент—это удобный случай выслужиться, а это тоже не лишнее: и отметки будут прибавлять, и аттестат хороший дадут. «Не все ли равно, кому подать петицию—самим или родителям», наивно говорят они, желая этим показать ученическую незрелость, незрелость умственную, большинство же к ним присоединили другие эпитеты «сброд, подлецы, мерзавцы» и проч., «вор», официальное название, брошенное в актовом зале депутатами большинству этой трусливой своре в присутствии начальства, в лице одного из этих либералов. Но мерзавцу плюй в глаза, а он все будет говорить „божья роса" и выражения общего презрения им недостаточно; поэтому мы призываем всех учеников прибегнуть к более активным мерам воздействия на эту дрянь. Надеемся, что все эти сторонники застоя, прислужливости и угодливости встретят к себе должное отношение со стороны всех учащихся, студентов и остального общества и имена (перечислены фамилии) сделаются синонимами Молчалинских добродетелей, эгоистического расчета и отсталости".

Надо полагать, что после подобного воззвания «маменькиным сыночкам» пришлось очень плохо, так как «активные меры воздействия» сулили, конечно, кулачную расправу и все перечисленные в воззвании, бессомненно, не одну неделю ходили с помятыми боками и с «фонарями» на глазах.

В воззвании к родителям ученики просили своих отцов и матерей о поддержке, если они (родители) действительно любят и желают добра своим детям, задыхающимся от ненормальностей школьного режима.

В воззвании указывалось, что если поддержки не будет, то они—ученики—прекратят занятия, а за этим последует массовое увольнение учеников и в этом виноваты будут только родители, не захотевшие помочь своим детям, хотя и могли это сделать.

3-го марта состоялось родительское собрание, созванное по инициативе директора реального училища. На собрание прибыло до 60 человек. Все пункты были приняты единогласно, лишь пункт о порицании учителям был отвергнут 47 голосами против 13-ти

Относительно пунктов, не подлежащих компетенции педагогического совета, было решено ходатайствовать об их удовлетворении перед высшим начальством.

Все это делалось родителями, как сообщал исправник Лукин, для успокоения учащихся.

Однако, недовольные отклонением пункта о порицании учителям, учащиеся к занятиям не приступили, расхаживали вечерами по городу группами и имели при себе оружие в виде: камней, гирь, ножей, кинжалов, револьверов,—до беспорядков дело все-же не дошло.

4-го марта примеру реалистов последовали муромские-же гимназистки, то же подавшие своему учебному начальству петицию, сходную с петицией реалистов.

Наконец, от попечителя учебного округа пришло распоряжение об увольнении всех учеников, кои не явятся 7-го марта на занятия.

К этому распоряжению присовокупилась агитация черной сотни против учащихся в среде темного населения города с призывом дать «порку мальчишкам», что вынудило учащихся (особенно-же родителей) не выходить 6-го марта (в воскресенье) на улицу, а 7-го марта восстановились занятия.

Вслед за волнениями учащихся гор. Мурома произошли волнения и в других учебных заведениях губернии: 4-го марта всколыхнулась мужская гимназия в гор. Шуе. 12-го марта—учительская семинария в г. Киржаче, 22-го марта—городское училище в гор. Суздале,—всюду, исключением является гор. Шуя, где причины волнений неизвестны, причины волнений были однородны—учащиеся требовали или улучшения своего быта (Киржач), или реформы школы (Суздаль).

Все это говорит за то что неблагоустроенность школы чувствовалась ощутительно, что учащиеся задыхались в атмосфере школьного режима, что в воздухе носились грозовые тучи, что наступала гроза.

И вот в марте м-це этого-же года эта гроза и разразилась новыми волнениями воспитанников владимирской семинарии, которые давно уже думали о подаче петиции своему начальству.

Момент подачи общесеминарской петиции, очевидно, наступил и владимирские семинаристы пред'явили к своему начальству обширные требования.

Читай-же, читай—молодежь (особенно учащаяся) эти требования, эту петицию владимирских семинаристов, читай и запомни, что такое положение учащегося было не в одной только владимирской семинарии, такое положение было в каждой школе, стиснутой когтями царизма.

Первая часть петиции касается различных прав семинаристов, в частности их свободного доступа в высшие светские учебные заведения, а вторая часть вскрывает ненормальности семинарского учебного строя и указывает пути их устранения. В заключительной части петиции содержится резкая критика существующего учебно-воспитательного строя в семинариях.

Данная петиция замечательна еще тем, что она однородна для всех семинарий, так как таковые подавали петицию своему начальству в том-же виде, в каком она была выработана владимирцами.

Наибольший интерес представляет заключительная часть петиции, вскрывающая язвы и уродства царской школы,—мы на этой части и останавливаем внимание читателя: «Воспитатели и воспитанники составляют два противоположных лагеря, замкнутых, проникнутых взаимным недоверием. Отношения сводятся к формальному чиновническому исполнению своих обязанностей, т.-е., с одной стороны, оказывают начальническое давление в пользу неукоснительного соблюдения правил инструкции, а с другой стороны, заботятся о внешнем, по-возможности, корректном выполнении правил, часто с ропотом и озлоблением и всегда с отсутствием охоты и любви. Корень такого зла заключается в ненормальности воспитательного режима, в том, что дело воспитания втиснуто в безжизненную форму бюрократизма. У нас есть чиновное начальство, но нет воспитателей в истинном смысле этого слова. Укладывая наше поведение в свои узкие рамки, семинарский режим нравственно калечит нас, воспитанников. Он давит, гнетет нас, сковывает и предупреждает каждое наше движение ценою крупных и мелких огорчений, принижая человеческую личность и мешая ее полному нормальному развитию. Поэтому мы просим св. Синод о некоторых изменениях, которые хотя-бы отчасти смягчили семинарский режим и сделали его менее тяжелым и невыносимым, а именно: 1) желательно более гуманное отношение начальствующих и учащих к учащимся и, как его главное выражение, уважение к личности воспитанника, большую, чем теперь, степень доверия; 2) проступки воспитанников, вносимые в кондуитный журнал, должны быть фактически доказаны; 3) необходимо дать воспитанникам права защиты перед правлением семинарии. Защита должна быть по выбору воспитанников или личная, или письменная, посредством докладных записок; 4) необходима полная вера со стороны инспекции свидетельству товарищей и круговой их поруке друг за друга; 5) просим об утверждении товарищеского суда, как института, налагающего на воспитанников обязанности непосредственно самим охранять честь учебных заведений; 6) требуем отмены контроля над корреспонденцией воспитанников; 7) не должны возбраняться свободные отлучки до 9 часов вечера как из общежития, так и с квартиры. В видах самообразования и наилучшего нравственного развития семинаристов, мы просим: а) о

свободе собраний для гласного обсуждения воспитанниками своих нужд; б) об устройстве корпоративных организаций и кружков: литературных, исторических, философских, физико-математических и т. п.; в) о свободной выписке газет и журналов; г) об издании своего ученического журнала; д) о праве неограниченного свободного посещения судов, земских собраний, а также театров, концертов, публичных чтений и публичных библиотек; е) требуем неприкосновенности депутатов, как лиц, облеченных доверием и полномочиями со стороны прочих товарищей».

Петиция заканчивалась угрозой прекратить с 1-го сентября следующего учебного года занятия, если все перечисленные требования не будут удовлетворены.

Выше мы указывали, что семинаристы г. г. Владимира, рассылая по семинариям воззвания, агитировали за созыв общесеминарного с'езда в Н.-Новгороде, но этот с'езд не состоялся и владимирские семинаристы продолжали вести агитацию за созыв с'езда и после подачи петиции.

Относительно желательности созыва общесеминарского с'езда ответы отовсюду (из семинарий, конечно) поступали благоприятные, и владимирские семинаристы разослали по семинариям вторичное письмо с приглашением—прибыть на с'езд, — назначался в начале июня месяца в г. г. Владимире со следующей повесткой дня: 1) проект реформы духовной школы; 2) время подачи общей петиции; 3) организация центрального бюро; 4) организация всеобщего семинарского с'езда и 5) план действий на будущий год.

Некоторые из историков и отдельных товарищей считают, что владимирский с'езд не был общесеминарским (первым) с'ездом, что этот с'езд был районным, что подобные этому с'езду были с'езды в Саратове и Н.-Новгороде, но, однако, ни один из заявляющих это не приводит документальных данных о других с'ездах, тогда как мы даем ясные и точные данные, которые зафиксированы в протоколе с'езда и которые ясно говорят нам о том, что этот с'езд действительно был первым общесеминарским с'ездом, так как на нем был избран первый центральный комитет, чего не решился-бы сделать ни один районный с'езд. Правда, в повестке дня этого с'езда стоял вопрос о созыве общесеминарского с'езда, но это потому, что все семинарии на с'езд созвать было чрезвычайно трудно, что для этого требовалась большая работа и колоссальные усилия и вот поэтому-то владимирцы свой с'езд и не называли громко общесеминарским, но нельзя его было назвать и районным, так как на нем были представители совершенно из противоположных местностей России (астраханская, иркутская, донская и могилевская семинарии), на основании чего мы теперь смело заявляем, что в начале июня м-ца 1925 года, по почину

владимирских семинаристов, в г. г. Владимире состоялся первый общесеминарский с'езд, вливший в жизнь революционно-учащейся молодежи новую, чистую струю, подтолкнувшую движение к новым битвам с произволом приспешников самодержавия.

VI.

Первый общесеминарский с'езд во Владимире состоялся 16—19 июня **1905 года**. На этом с'езде, хотя мы его и назвали *общесеминарским*, присутствовало всего лишь 9 семинарий: астраханская, владимирская, вятская, донская, иркутская, могилевская, пермская, саратовская, тверская, а его занятия носили общее значение, не выходя из академических рамок. хотя и протекали в строго конспиративной обстановке.

Первый вопрос порядка дня был разрешен с'ездом в плоскости рассмотрения петиций от прибывших на с'езд семинарий,— существовавшая постановка учебно-воспитательного дела в семинариях была признана негодной. Был выработан проект реорганизации его „на началах, удовлетворяющих полному развитию умственных и нравственных сил учащихся".

В резолюции с'езда по этому вопросу выдвигалась необходимость выработки нового типа мужской духовной школы, а именно—8-ми классная, общеобразовательная школа и 3-х классная специально-богословская, вместо существовавших в то время духовной школы и семинарии.

В резолюции указывалась также еще и необходимость расширения программы общеобразовательной школы с введением преподавания политической экономии, природоведения, истории и философии, при этом в резолюции отмечалось также, что преподавание богословских наук должно протекать более живо, более жизненно, чем это было до сих пор.

В общем проект заключал в себе два основных момента. В первом излагалась примерная программа предметов, приближающая семинарии к типу общеобразовательных учебных заведений, что мы уже отмечали выше, и затем выдвигались следующие требования в отношении постановки самого преподавания: 1) преподавание должно быть организовано на началах предметной системы, 2) классные занятия должны быть всецело посвящены беседам с воспитанниками из области данного предмета, 3) преподавателям должна быть предоставлена полная свобода преподавания, 4) успехи учеников проверяются репетициями, устраиваемыми в конце каждой четверти учебного года, 5) существующая балльная система должна быть уничтожена; для оценки знаний должны существовать две отметки: удовлетворительно и неудовлетворительно, 6) разряд-

ные списки и всевозможные знаки отличия должны быть совершенно уничтожены, 7) преподавателями должны быть люди, знающие и интересующиеся своим предметом, 8) выбор учебников предоставляется преподавателям и утверждается педагогическим советом, 9) преподавание естественных наук должно быть наглядным.

Второй момент проекта касался воспитания и состоял из трех частей:

а) *Участие семьи в школе*: 1) привлечение семьи к контролю над жизнью и поведением воспитанников через допущение в педагогический совет выборных от родителей с правом совещательного и решающего голоса в количестве, равном педагогическому персоналу, 2) педагогический совет должен быть высшей инстанцией учебного и воспитательного дела школы. За ним должно быть признано право сменять негодных преподавателей и воспитателей и приглашать лучших, 3) заседания педагогического совета должны быть гласными для печати и общества, 4) выбор членов в педагогический совет из родителей должен производиться родителями-же.

б) *Свобода самообразования учащихся*: 1) свобода чтения книг и журналов, допущенных общей цензурой, 2) свобода посещения библиотек и читален, публичных лекций, чтений, спектаклей, концертов, земских собраний и судов, 3) организация ученических библиотек должна перейти всецело в руки самих учащихся, 4) свобода составления кружков для самообразования, 5) свобода издания ученических журналов, 6) свобода учреждения касс взаимопомощи и других кооперативных обществ, 7) отмена стеснений в постороннем заработке, в репетиторстве, участии в посторонних хорах и оркестрах, корреспонденции и корректуре газет, 8) свободный выбор квартир, 9) отменить обязательное посещение церковного богослужения.

в) *Инспекторский надзор и товарищеский суд*: 1) с инспектора должны быть сложены полицейские обязанности и должно быть возложено на него дело воспитания учащихся, 2) балл по поведению уничтожается, 3) между членами инспекции не должно быть подчинения, каждый член инспекции должен быть самостоятельным лицом и равным по правам власти, 4) на воспитателях должна лежать обязанность развивать среди учащихся чувство товарищества и идеи товарищеского суда, 5) товарищеский суд решает недоразумения между товарищами, и педагогический совет должен принимать к сведению решения товарищеского суда, 6) если обвинение следует со стороны воспитателя, то за товарищеским судом остается право выяснения дела обвиняемого перед педагогическим советом, кроме того сам обвиняемый

имеет право защиты перед педагогическим советом, 7) должен быть уничтожен контроль над корреспонденцией, 8) обыски могут быть производимы с согласия товарищеского суда и в присутствии его членов.

Вторым вопросом, поставленным на обсуждение с'езда, был вопрос об организации Центрального бюро. С'езд вынес постановление: *для более успешной организации учредить Центральное бюро с местонахождением его в г. г. Владимире.*

Цели и деятельность Центрального бюро были намечены следующие: а) бюро раскладывает расходы по организации на все семинарии, сообразуясь с количеством участвующих в организации, б) члены бюро должны доставить во все семинарии свои конспиративные адреса, частью непосредственно сами, частью через приехавших на с'езд представителей, в) Центральное бюро, на основании присылаемых ему семинариями ежемесячно отчетов, составляет общий отчет для рассылки его по всем семинариям, участвующим в общесеминарской организации, г) бюро издает журнал, который, кроме официального отдела центральной семинарской жизни, будет содержать и статьи по общественным и научным вопросам. Редакция должна тщательно выбирать из присылаемых семинариями статей, помещая в журнал только лучшее, д) журнал должен носить в общем либеральный характер, е) редакция должна представлять ежегодный отчет о своей деятельности на годовых общесеминарских с'ездах и беспрепятственно подвергаться контролю этих с'ездов.

Далее—определялись обязанности по отношению к бюро. Согласно положения, каждая семинария должна была доставить центральному бюро два конспиративных адреса, а если возможно и более, не позднее 15-го сентября. Для сношений с центральным бюро семинарии должны были организовать свое постоянное бюро или исполнительный комитет, члены которого должны быть выбраны через тайную подачу голосов. Избирателями могли быть все участвующие—в частной семинарской организации. Исполнительный комитет должен был представлять в центральное бюро ежемесячные отчеты о положении дел в своей семинарии и об особенных событиях. На запрос центрального бюро исполнительный комитет должен отвечать немедленно. Кроме сообщений о своей семинарии на обязанности исполнительного комитета лежало сообщение сведений о положении дел в среде местного духовенства, в епархиальном женском и мужском училищах, пропаганда в которых возлагалась на семинарию.

Деятельность с'езда семинарских депутатов ограничилась выработкой проекта реорганизации учебно-воспитательного дела и положения о центральном бюро. Другие вопросы, намеченные в по-

вестке дня с'езда, не были затронуты, так как разработка их возложена была, повидимому, на вновь организованное бюро.

Повидимому с'езд возложил на центральное бюро и выработку плана действий семинарской организации на ближайшее будущее—на осень 1905 года, каковой обрисовался в следующем виде.

Было решено в каждой семинарии, по образцу общей петиции, подать однотипную петицию начальству местной семинарии для представления ее в синод на предмет удовлетворения и для того, чтоб перечисленные в ней требования были удовлетворены—устроить забастовку.

От всевозможных «убийств» решено было отойти, а вести наступление на врага спокойно и сплоченно, так как выросшие политически вожаки семинарского движения видели в «буйствах» лишь проявление слабой силы и дискредитации движения.

Главная—ударная часть предстоящей деятельности была рассчитана на ноябрь-декабрь месяцы, но события ускорили развитие движения и уже в октябре 1905 года (когда вспыхнула октябрьская революция 1905 года и затем был об'явлен манифест 17 октября)—семинарское движение явилось на фоне всеобщего освободительного движения довольно значительной волной, не считаться с которой было уже невозможно.

Мы видели, что с'езд вынес постановление об издании в г. г. Владимире при центральном бюро журнала, который мог-бы отражать начавшееся укрепляться движение молодежи, самую жизнь с ее важнейшими событиями, и который давал-бы движению правильное направление.

Такой журнал был организован и выходил, судя по архивным материалам, в довольно значительном количестве экземпляров, исполняясь печатаньем на гектографе.

О существовании семинарского журнала быстро узнала не только каждая отдельная семинария, но и жандармерия, обнаруживавшая при обысках у отдельных семинаристов и студентов, этот журнал не в одном, а в нескольких экземплярах.

Вот что гласит, например, донесение Иваново-Вознесенского жандармского полковника к губернскому жандармскому управлению: „Произведенным обыском в квартире Александра Степановича Валединского обнаружено шесть экземпляров журнала *„Молодые Силы“* (один экземпляр которого при сем прилагается), каковые, по заявлению Александра Валединского, привезены братом его—воспитанником 4-го класса владимирской духовной семинарии—Евгением Валединским. Журнал этот издается в самой семинарии“ [1]).

[1]) Архив Владим. губ. Жандарм. Упр. Дело о производстве арестов всех главных агитаторов. 1906 г. № 99.

Первый номер журнала „Молодые Силы“ содержал две статьи: передовую от редакции и еще „В ожидании реформы духовной школы“, да несколько произведений художественного характера под заголовками: „Параллели“, „Сон“, „Одинокий“, „Из песен родины“ и критическую заметку „Максим Горький и его пьесы“.

Первые две статьи особого интереса не представляют,—из остальных приводим здесь самые яркие, как показатели настроения и взглядов семинаристов описываемого времени на окружающую их обстановку.

Параллели.

Роскошная чудная зала—
Мрамор и бронза кругом,
Веселая музыка бала...
Хрусталь и цветы за столом.

И льются шумливым потоком
Тосты за правду, любовь,—
А там—на востоке далеком—
Льется народная кровь.

Победа... вся в флагах столица,
Траур забыла она...
Повсюду веселые лица,
Повсюду лишь радость одна.

А там—по деревням и селам,
В семьях убитых бойцов
Плач лишь о горе тяжелом
Жен, матерей и отцов...

Из песен родины.

Вот льется равниной широкой
Песня отчизны моей.
Полна она грусти глубокой,
Одна она слышится в ней.

Нас давят, нас гонят в те сети
Тяжелого рабства, нужды,
Где наши несчастные дети
Погибнут, как гибли и мы.

Погибнут, довольства не зная,
В забытом, знать, богом краю,
И будут томиться, страдая,
За семью болея свою.

Злой рок тяготеет над нами,
В позоре родная страна,
Залитая кровью, слезами,
Все стонет и стонет она...

Не верите вы, так подите,
Кругом обойдите ее,
В деревнях и селах взгляните
И там вы увидите все.

Услышите вы, как в тех хатах,
Где жили недавно бойцы,
В семьях бедняков и богатых
Об них плачут дети, отцы.

Увидите, как головою
Там бьется страдалица мать,
Тогда вы поймете душою,
Что больше позорно молчать

Поймете, что время настало
Идти смело против того,
Чье имя посмешищем стало
И сбросить с престола его.

Где счастье страны, где свобода?
Ведь их обещали-же нам,—
Заместо их—стоны народа,
Конца нет народным слезам.

Довольно, у нас нет уже силы
Терпеть, давно пробил тот час,
Когда лучше холод могилы,
Чем жить, как живем мы сейчас.

Долой это гнусное рабство,
Долой деспотизм вековой,
Да здравствует правда и братство.
„Вперед"—вот девиз наш святой.

Приведенные нами здесь литературные опыты семинаристов сами говорят за себя: „вперед, долой самодержавие и деспотизм!"— вот к чему летели мысли молодежи, вот чего хотела измученная царским произволом молодежь и что на деле, в действительности, начали проводить в жизнь настроенные революционно семинаристы.

Надо полагать, что первый номер семинарского журнала *„Молодые Силы"* вышел как раз в тот момент, когда в революционном движении молодежи наметился резкий перелом, когда оно приняло более отчетливую политическую окраску и когда вообще освободительное движение обнаружило более резкие формы, выдвинутые событиями октября 1905 года, по об'явлении «преслоутого» манифеста 17 октября, «даровавшего народу» куцую конституцию.

В этот самый момент отмечается и наибольший под'ем в семинарском движении.

Полоса октябрьских волнений в семинариях, начатая харьковской семинарией еще 18 сентября, прокатилась по всем семинариям и к концу октября, по сведениям центрального управления, занятия прекратились уже в 43 семинариях.

В развернувшихся событиях в октябре 1905 года в семинариях крупную роль, как центр, сыграла Владимирская семинария, руководившая всей забастовкой в семинариях.

Так, в самой владимирской семинарии 7-го октября, после общей сходки, семинаристы об'явили забастовку и с соблюдением полного порядка раз'ехались по домам. При этом семинарскому начальству была вручена петиция о желательных нововведениях в семинариях, принятая на первом владимирском общесеминарском с'езде.

Однотипное положение и форма об'явления забастовок наблюдалась и во всех забастовавших семинариях; ученики спокойно, обычно в семинарском зале, при присутствии всей корпорации вручали начальству свою петицию (принятую и выработанную на первом владимирском общесеминарском с'езде) и об'являли забастовку до ответа о выполнении их требований. Забастовавшие семинарии распускались по домам.

Центральное бюро старалось выдержать забастовку устойчиво и придать ей серьезный характер, о чем были разосланы

письма во все семинарии и к семинаристам-владимирцам, призывавшие выдержать забастовку до конца. Одновременно было распространено воззвание к родителям и интеллигенции с призывом поддержать бастующих в их борьбе за законные права

Так как этот период памятен всем, как октябрьские события 1905 года и так как семинарское движение стояло уже в прямых связях с общеполитическим движением, то начальство не принимало репрессивных мер против забастовщиков и ожидало распоряжения свыше.

Особенной разницы в выступлениях между отдельными семинариями, по отношению к общесеминарскому движению, в этот период не наблюдалось, если не считать степени яркости политичности выступлений.

Духовная жандармерия и церковная власть, имея перед собой сплоченное в одно целое революционно-семинарское движение, не могла пойти по отношению к нему путями репрессий, а, учитывая «успехи» октябрьского манифеста—решилась ради успокоения «взбунтовавшихся» семинаристов прибегнуть к уже испытанному царским правительством методу—обману, обещая провести реформу школы, сделать послабление жизни в семинариях и, на основе этого обещания, пыталась в ноябре 1905 года возобновить в семинариях занятия.

Многие из семинаристов пошли на эту удочку и занятия вскоре были возобновлены во многих семинариях, хотя правильной работы их наладить, как следует, так и не удалось, потому-что семинаристы, с'езжаясь, обнаруживали такую революционность в настроениях, что не стеснялись открыто кричать об обмане царского правительства и выбрасывать на семинариях красные флаги с лозунгами, призывавшими к низвержению самодержавия.

И в конце-концов очень немного семинарий кое-как продолжали еще занятия до рождественских каникул 1905 года, а остальные или совсем не возобновляли занятий, или вновь их прекращали.

Революционное настроение усиливалось и правильной линией Ц.Б. по отношению к обещаниям церковной власти, которое продолжало будировать семинарии к новым выступлениям, к новой работе, агитируя за созыв второго с'езда.

С'езд предполагалось созвать в начале декабря в Москве и в ответах на письма Ц.Б. семинарии отовсюду слали свое согласие на созыв этого с'езда.

Вятская семинария даже взяла на себя часть хлопот по организации с'езда, разослав от себя воззвание, в котором призывала встать семинарии на платформу организации твердого, вполне определенного политически, общесеминарского союза, так-как прошлые забастовки, кроме перестановки предметов обучения,

ничего не добились (как и следовало ожидать—церковная власть обманула семинаристов и, обещая реформу школы—ничего не дала). В заключение вятичи предлагали: „1) высказать свой взгляд на союз; 2) определить основной принцип платформы союза; 3) определить желательное время и место с'езда; 4) отметить: может-ли семинария послать делегата, или ограничится письменным наказом, приславши его в центральное бюро и 5) определить степень подавленности товарищей в силу царящей в стране реакции. Если семинария найдет для себя необходимым присоединиться к проектируемому союзу и пожелает ответить на предложенные пять вопросов, то просим ответ направить во владимирскую семинарию, адрес которой таковой: г. г Владимир—губернский, уездный с'езд. Василию Ивановичу Осипову.

В виду того, что касса центрального бюро пуста, усиленно просим направить во Владимир вместе с письмом и небольшую сумму денег».

В связи с выдвинутыми вятской семинарией вопросами, требующими внимательного и серьезного обсуждения, подготовительная работа по созыву с'езда затянулась.

Только к концу января 1906 года план действий окончательно был выработан и Центральное бюро смогло разослать по семинариям пригласительные повестки на с'езд.

Повестка была послана 30 января в 31 семинарию.

Местом с'езда назначался гор. Владимир, а временем—12 февраля 1906 года.

VII.

Второй общесеминарский с'езд собрался точно в назначенное время в г. г. Владимире. В какой обстановке и где именно происходил этот с'езд—сведений не имеется, но протокол этого с'езда сохранился в архивах владимирского губернского жандармского управления полностью, но так-как каждый из общесеминарских с'ездов представляет огромный интерес, а тем более его подлинный протокол—мы приводим отчет о втором с'езде (протокол) здесь в том виде, в каком он составлен самими семинаристами.

Отчет с'езда представителей 18 семинарий, состоявшийся 12 февраля сего 1906 года.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ.

По инициативе владимирцев, за которыми номинально признавалось значение Ц.Б., было разослано приглашение на с'езд от 30 января 1906 года.

Приглашение на с'езд было послано в 31 семинарию: в Виленскую, Витебскую, Вятскую, Донскую, Екатеринославскую,

Киевскую, Курскую, Костромскую, Могилевскую, Московскую, Новгородскую, Одесскую, Пензенскую, Пермскую, Полтавскую, Петербургскую, Псковскую, Рязанскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Смоленскую, Ставропольскую, Таврическую, Тамбовскую, Тверскую, Тульскую, Харьковскую, Холмскую, Черниговскую и Ярославскую.

В остальные, за неимением адресов или за дальностью расстояний, извещения послано не было.

На с'езд явились представители 18 семинарий, а от 4 были присланы письма, выражающие с'езду свое доверие.

I. Протокол.

Первое заседание происходило вечером 12 февраля. Оно характеризовалось, главным образом, беспорядочностью и неопределенностью суждений, которых естественно было ожидать при отсутствии програмной разработки подлежащих суждению вопросов.

Прежде всего рассуждали о цели самого с'езда, задача которого создать между семинариями прочную организацию, об'единяющую по возможности воспитанников всех семинарий, чтоб потом эту единую силу направить на свою защиту и на борьбу за новую свободную школу; некоторые говорили, что цель с'езда в обсуждении тех мер, какие следовало-бы принять сейчас-же для устранении тех мер, какие следовало-бы принять сейчас-же для устранения того затруднительного положения, в которое поставлены некоторые семинарии событиями последнего времени. Остановились на том, что без прочной организации между семинариями мы не только не имеем возможности помочь нашим пострадавшим товарищам сейчас, но лишены этой возможности и в будущем; в силу чего нашей задачей в данный момент является необходимость соорганизоваться в прочный союз, при котором только и возможна более или менее успешная борьба и самозащита.

Одним из делегатов прочитан был проект, по которому постоянное функционирование организации должно вестись путем трех частей. Это—бюро центральное, районное и бюро отдельных семинарий.

По этому проекту несколько семинарий известного района об'единяются в самостоятельный союз, во главе которого стоит районный комитет, имеющий сношения с центральным бюро. Во главе всей организации стоит ЦБ, об'единяя деятельность районных. Бюро решающего значения, как районное по отношению к районному, так и центральное по отношению ко всей организации, не имеет.

Это право принадлежит только с'ездам представителей. Проект учреждения районных бюро, в виду лежащей в его основе децентрализации, усложняющей сношения ЦБ с отдельными семинариями,

решается в отрицательном смысле, но с оговоркой—возможны по нужде районные собрания. Между прочим, поднимается вопрос—союз-ли это семинарий, как общественных единиц, или организация отдельных групп семинаристов. Организация групп отдельных семинаристов, не имеющая общественной физиономии, не может иметь места в борьбе. Но разве наш союз не общесеминарский, разве у нас цели отдельные от цели семинарии, как общественной единицы?..

А так как девиз организации—свободная школа, ясно, что наша организация школы, а не отдельных личностей (курсив мой Д. Р.)

II. Протокол.

На втором заседании с'езда поднимается вопрос, вступает-ли союз в борьбу за достижение своих целей самостоятельно, или наряду с общественно-политической организацией, результатом которой должно быть достижение и его цели. Ответ на это дает один из присутствующих представителей, выражая его таким образом: духовная школа неудовлетворительна, в изменении ее отказано (цитирует выдержки синодского циркуляра), да при настоящем государственном строе существенного нам сделать ничего не могут,—*свободная школа возможна только в свободном государстве* (курсив мой Д. Р.) и поэтому мы теперь должны бороться не просто как семинаристы, а как семинаристы-граждане.

На это возражают. *За свободную школу мы можем бороться, но не свергая прямо политического режима* (курсив мой. Д. Р.). Ведь нельзя сразу достичь того идеала, к которому мы идем. Академическая борьба будет иметь воспитательное значение и даст хотя частичные улучшения, облегчающие деятельность союза. Мы будем вести борьбу за свободную школу, но конечная цель—свержение государственного режима не будет игнорирована. Таким образом наш союз, будучи профессиональным, в то же время будет и политическим. К этому делегатом было добавлено, что академическая борьба, в виде всеобщей забастовки, излишня, но *желательна борьба политическая при условии сообразности ее с психологическим и социальным положением семинарий, как учреждений* (курсив мой. Д. Р.). После долгих опросов, эти мнения свелись к следующей формулировке: *ближайшая, в смысле главнейшая (Пр. ред.) цель союза семинарий, как боевых коллективных единиц—свободная школа, но, признавая тот принцип, что свободная школа возможна только в свободном государстве, мы считаем нужным поддерживать освободительное движение, поскольку это возможно, будучи уверены, что только уничтожение настоящего государственного*

режима даст нам возможность полного и всестороннего развития умственных и нравственных сил (курсив мой. Д. Р.).

Порешив с этим вопросом, с'езд перешел к разбору проекта организационной техники. Схема ее представлялась в таком виде: главенство в союзе принадлежит общесеминарским с'ездам, устраиваемым два раза в год, в крайнем случае—один раз. Этим с'ездам принадлежит законодательная распорядительная власть в союзе, а исполнительная возлагается на центральное и местное бюро. Общесеминарские союзы пересматривают устав союза, в случае нужды изменяют и дополняют его, просматривают отчет центрального бюро, утверждают сметы на дальнейшее время. Центральное бюро является постоянным об'единительным органом союза. Его обязанность ставить в известность каждую семинарию в делах союза; для этого ЦБ ведется хроника семинарской жизни, рассылаемая ежемесячно. Хроника содержит сообщение о положении дел во всех семинариях; здесь же помещаются газетные и журнальные сообщения по семинарским вопросам.

Обязанности по отношению к центральному бюро. Местное бюро раз в месяц присылает в ЦБ извещение о текущих делах местной семинарии, дает немедленные ответы на все запросы ЦБ, собирает деньги для ЦБ. Выбор членов того и другого бюро предоставляется воспитанникам местной семинарии.

Члены союза:

Членами союза могут быть все семинаристы, принявшие устав союза, решившие следовать ему и твердо добиваться поставленной союзом цели.

Экономическая часть.

Денежные средства союза составляют членские взносы по 20 коп. в год.

Статистика.

По приблизительному расчету должно поступить 1900 руб. (Из этого расчета видно, что в союзе могло быть уже к моменту с'езда 9500 членов. Д. Р.).

Эта сумма распределяется так: почтовые расходы 120 руб., бумага, типография, карандаши и прочие канцелярские принадлежности 160 руб., вознаграждение работающим воспитанникам 560 руб., устройство двух с'ездов 200 руб. (считая и наем помещения для приехавших делегатов и их полное содержание в продолжении 3 дней), на чрезвычайные расходы 150 руб. Итого расход 1350 руб., остается 550 руб.

Один из пунктов проекта дал новый повод к спорам о революции. По выдвинутому в этих спорах вопросу высказываются следующим образом:

Всеобщая академическая заоастовка не может служить верным средством к достижению нашей цели—свободной школы. Ее мы можем добиться, только помогая освободительному движению в борьбе за свободное государство, в котором только и возможна свободная школа. Но академическая борьба помогает при достижении этого идеала, как протест против действий начальства, направленных на деятельность членов союза. Исходя из этих соображений, с'езд принял следующую резолюцию:

«Резолюция организации с'езда представителей 18 семинарий. Выходя из положения, что в единении сила, мы считаем необходимым слиться в союз, на организацию которого мы возлагаем значение творческого начала в смысле определения характера и формы борьбы за свободную школу сообразно с течением жизни внутри семинарий и также ставим его задачей установление целей и средств борьбы союза сообразно требованию жизни и определению положения в ряду всех освободительных общественных факторов, на основании подсчета работоспособности и боевой готовности сил» (курсив мой. Д. Р.)

За руководство-же деятелям союза по семинариям с'езд предлагает следующую программу:

«Организовать в каждой семинарии местный комитет, который бы ведал делами семинарии и подготовлял товарищей к освободительному движению, это, с одной стороны; с другой-же—каждой семинарии предлагается добиваться большей или меньшей свободы на пути к достижению свободной школы всеми всевозможными средствами.

В случае-же репрессий на таковую семинарию со стороны начальства, каждая семинария обязуется поддерживать своих товарищей протестом.

Что же касается преобразования школы при помощи Синода, то, признавая его неспособность к коренным реформам, делегаты с'езда считают бесполезным подачу ему петиций о преобразовании".

На этом протокол обрывается,—дальше должен был следовать вопрос о выборах местонахождения ЦБ, но об этом, в виде меры предосторожности видимо, в протоколе ничего не указано, тогда как из материалов третьего общесеминарского с'езда (см. ниже) явствует, что центральное бюро осталось снова за Владимиром.

Как видно из приведенного отчета о с'езде, составленного самими семинаристами, по вопросу о сущности союза, как организации, и его борьбы—на с'езде существовало несколько мнений; сходясь на необходимости борьбы за свободную школу, участники

с'езда расходились на оценке роли союза в ряду других освободительных течений, на вопросе определения тактики поведения этой борьбы.

Одни говорили, что в реформе школы государством, в лице св Синода, отказано, что при существовании настоящего государственного строя ничего в отношении преобразования школы не добьемся, а поэтому необходимо бороться против существующего строя, как препятствия к постройке новой—свободной школы и только лишь этим путем и возможна победа, так как свободная школа возможна только в свободном государстве.

Другие, не соглашаясь с такими выводами настаивали лишь на борьбе за свободную школу, что, по их мнению, вовсе не будет значить, что союз игнорирует борьбу с существующим государственным строем,—борьба союза, мол, это—одно, а борьба с самодержавием—другое и их смешивать нельзя, так как, кто знает, во что выльется эта борьба с самодержавием и не будет ли ее исход противоречить *«психологическим и социальным положениям семинарий, как учреждений»*.

Эти разногласия весьма и весьма характерны, характерны они тем, что ярко подчеркивают перед нами, с кем мы имеем дело—с пролетариями или с мелкой буржуазией, которые боятся даже призрака первых в решительные минуты.

Перед семинаристами, как перед представителями революционного движения мелко-буржуазной молодежи, встал во весь рост вопрос о том, *куда же идти?* Встала во весь рост опасность подчинения своего движения интересам рабочего класса, тогда как буржуазия ожидала от семинаристов, да они и сами надеялись,—совершенно иного—обратного.

Семинаристы первый раз за 45 лет роста своего движения оказались на распутьи; примкнуть ли к рабочему классу, который оставался верен целям революции и с ним вместе итти в бой с самодержавием или же уйти в лагерь либеральной буржуазии, ударившейся из революционного лагеря в контр-революционный, будучи прельщена конституцией от 17 октября, и праздновать вместе с ней победу?.

Буржуазия, как мы знаем, получила «обглоданную кость» и спокойно отвернулась от революции, забыв вчерашнюю дружбу, и уже выступала рука об руку с самодержавием против рабочего класса.

Но что получили семинаристы? Все учащиеся? Кроме обещаний, да и обмана—ничего.

Куда же итти? И после целого ряда суждений—с'езд на этот счет определенного ответа не дал, подчеркнув этим тот тупик,

в которое входило семинарское, как равно и всей учащейся молодежи, движение, хотя устремление в сторону сближения с рабочим движением было огромное.

Из всего этого, в конце концов, еще раз вытекает вывод о том, что семинарское движение не пролетарское движение, что оно лишь только левое крыло революционного движения русской буржуазии, потому что цели и задачи рабочего класса не были однородны с целями и задачами семинарского движения. Вот почему на своем с'езде семинары и замялись при разрешении этого столь серьезного для них вопроса.

Но как не мялись, как не хотели семинаристы пойти на сближение с рабочим движением, но жизнь заставляла их это делать, подтаскивая «за шиворот» к колеснице рабочего движения и они вынуждены были подбадриваться, поспевать за этой колесницей, равняться по общеосведомительному движению.

VIII.

Формы революционного движения молодежи менялись сообразно тому, как менялось вообще освободительное движение.

Революция была раздавлена... Жесточайшая реакция обрушилась на ее участников и вдохновителей. У многих из рядов общественного революционного движения в России в связи с этой реакцией, с тем, что революция была проиграна, появился пессимизм, желание уйти в себя или, наконец, „ликвидаторство" и чем дальше, тем это настроение заострялось больше и усиливалось. Конечно это не везде было так,—все здоровое в общем революционном движении спокойно и выдержанно «покинуло» свои революционные позиции и перешло к другим, выжидая «когда пробьет час».

Положение в стране после подавления революции 1905 года не могло, конечно, не затронуть и революционного движения учащейся молодежи.

Она также была вынуждена отступить на новые позиции, но делать это как следует, выдержанно, не умела.

Всякие надежды на реформу школы рухнули... Реакция вступала на порог школы и воцарялась в ней, окончательно желая стереть, выжечь, изгнать все живое из подрастающего поколения.

Молодежь не могла сразу смириться со своим положением после поражения революции и, отходя под натиском реакции на новые революционные позиции отвечала на удары реакционеров своими террористическими актами.

Так, например, начавшее свое развитие революционное движение в Муроме среди учащейся молодежи в 1896-97 г. г. и занявшее в 1905 году боевое место в губернии—вынужденно глохло, тухло, а передовики его шли по путям к подпольной работе, снова к своей тайной библиотеке, сумевшей, кстати сказать, просуществовать 20 лет и, как революционный дар, перейти после 1918 г. в руки фундаментальной библиотеки Муромского реального училища.

Уходя в подполье—муромские реалисты и гимназисты „скалили зубы" на своих школьных жандармов, как могли, терроризируя их нарушением спокойствия их семейного уюта, организуяя для этой цели стройно организованное стеклобитие у нелюбимых преподавателей. (Сведения заимствованы у т. И. Пронина из его статьи в книге „20 лет раб. организ.", стр. 184). Конечно, такое ученическое «буйство» очень не нравилось преподавателям, что хотя бы видно из докладной записки группы преподавателей,— они писали: «Текущий учебный год в нашем училище открылся при обстановке, совершенно исключительной: почти половина преподавателей в прошлом году принуждена была оставить училище из-за отрицательного отношения к ним учеников. Такой процент не мог не отозваться на отношениях учеников к учителям вообще. Стремление оказывать давление на преподавателя, в случае неудовлетворительности отметки, или в случае недовольства по какому либо поводу, выражалось еще в предыдущем году битьем стекол камнями. Ни в одном случае виновные не были обнаружены, и подобные факты становятся традицией нашего училища. В текущем году были случаи разбития стекол в здании училища, в квартирах отца законоучителя, преподавателя, преподавательницы немецкого языка и последний раз 18 и 19 февраля, два дня подряд были разбиты палкой стекла у преподавателя математики А. М. Васильева. Такое положение не может, конечно, не отозваться на работе преподавателей, а полная безнаказанность превратила это печальное явление в традицию. Мы, нижеподписавшиеся преподаватели муромского реального училища, находим необходимым обратить внимание Совета (педагогического, конечно,—им тогда еще и не мерещились наши Советы, а то бы они сума посходили. Д. Р.) на тяжесть установившихся в школе отношений учащихся к преподавателям и в случае невозможности обнаружить и наказать виновных, предлагаем прибегнуть к самым экстренным мерам, способным обеспечить постоянство педагогического совета. Г. Муром, 20 февраля 1906 г.».

Педагогический совет в день-же подачи этой записки и „заседнул", решив, в конце-концов, морально (!?) воздействовать по этому поводу на учеников и вынес постановление об увольнении всех учеников IV, V, VI классов с правом принятия вновь с обсуждением прошений каждого.

Но ошиблись „моралисты“,—за целую неделю ни одного прошения к ним о принятии в школу от учеников не поступило и они пристыженные вынуждены были принять всех учеников безоговорочно в училище.

8-го марта 1906 года, получив известия о казни лейтенанта Шмидта—владимирские семинаристы решили устроить демонстрацию протеста. Двинулись по большой улице с красными флагами, на которых значилось: «Да здравствует свобода», «Долой смертную казнь». Полиция разогнала демонстрантов, подвергнув нескольких участников избиению и арестовав 5 человек.

Не лишены интереса воспоминания об этой демонстрации владимирских семинаристов одного из участников этой демонстрации—т Беляева (Марата):

... «Это был знаменательный день в истории политической жизни г. Владимира,—пишет он. С утра началась горячая подготовительная работа. Нужно было связать это выступление с широкими кругами учащейся и рабочей молодежи. Учащиеся обещали присоединиться. В семинарии в это время происходила кипучая работа. Одни готовили флаги с художественной обрисовкой, другие организовывали боевую дружину с целью охраны порядка и дисциплины демонстрации. Жизнь учебная замерла. Там, где пытались вести занятия—устраивался „кошачий концерт“ и класс расходился. Настроение было приподнятое. С замиранием сердца ожидали открытия митинга. На митинг провели партийных. Обширная семинарская зала впервые заслушала этих ораторов. Горячие, полные огня речи зажгли огнем все сердца собравшихся. Чувство ненависти, мести к палачам достигло своего пункта и это чувство вылилось в стройное, красивое и мощное пение: „Вы жертвою пали“.

Стены стонали от мощного пения голосов и бурной лавиной молодежь двинулась на улицу. Начальство семинарии настолько растерялось, что совершенно отсутствовало и только в выходных дверях встретили ректора Соболева.

„Побойтесь, не губите себя“,—кричал он, пытаясь задержать движение, но был смят. У красной церкви новые зажигательные речи. В это время в целях предотвращения арестов и кровопролития из партии был прислан студент Морозов. Еще раз послав проклятие убийцам - палачам, он предлагал прекратить дальнейшее движение и сберечь силы для дальнейшей работы, считая демонстрацию средством, дорого стоящим и мало дающим пользы. В ответ на эти слова—студент Шепелев и семинарист Тихонравов убеждали продолжать путь, но, однако, ряды демонстрантов сильно поредели. И когда демонстрация с пением „отречемся от старого мира“ двинулась дальше—из-за угла Ильинской церкви показался

отряд вооруженной полиции. С криками „бей их“ полиция набросилась на демонстрантов и началась суматоха. Семинаристы не легко отдавались в руки полиции и не редко угощали полицейских здоровыми тумаками. Победу, однако, торжествовала полиция и вскоре по улицам она вела окровавленных, арестованных семинаристов. На смену пеших полицейских „молодцев“ для надзора за семинарией высланы были конные. „Палачи—кровопийцы“, слышалось из окон семинарии до позднего вечера. Это был пробный экзамен на политическую зрелость“... В то время как во Владимире шумели семинаристы—в г. Муроме реалисты в конец изводили свое начальство,—17 го апреля на уроке закона божия в V классе был устроен организованный взрыв шутих; виновников, как и следовало ожидать, не оказалось.

1-го мая 1906 г. муромские реалисты превзошли своих революционных соседей—владимирцев, организовав шумную демонстрацию в честь рабочего праздника, в честь предстоящей победы труда,—демонстрация окончилась перестрелкой и рукопашной схваткой с полицией,—вот как об этом рассказывает т. И. Пронин в своей статье „Ученич. движ. в ср. уч. заведениях“, стр. 185: „1 мая 1906 проходило при самом деятельном участии учащихся. Во время демонстрации вечером на Окском бульваре исправнику Лучкину представился самый удобный случай расправы и с рабочими, и с учащимися; расправы, о которой он мечтал и не отрицал раньше и на открытых собраниях и в официальных бумагах. Во время расстрела и нападения полиции на толпу, певшую революционные песни, пострадали многие из учеников, бывших в толпе.

Из учащихся особенно сильно была ранена ударом шашки в левую щеку ученица VII класса женской гимназии Буткевич, Н. Удар, очевидно, пришелся концом шашки, рассек щеку и, срезав несколько зубов, повредил челюсть. Н. Буткевич явилась совершенно случайной жертвой, никакой видной роли в ученическом и рабочем движении она не играла и была совершенно далека от рабочей среды. (Н. Буткевич была дочь подполковника)“. Не глядя на все это учебное начальство, во имя оправдания своей миниатюрной совести, приписало Н. Буткевич чуть ли не руководство всей демонстрацией, что она шла впереди демонстрации с револьвером в руках, что она была видной революционеркой и являлась пропагандистской идей революции.

Глубоко схоронили обиду реалисты, вспоминая расстрел и избиение учащихся г. Мурома 1-го мая, и выжидали случая, чтоб отомстить не учебному начальству—нет, а *самодержавию* и такой случай представился.

„15-го ноября 1906 г. в самом начале 4 урока ученики VI класса за замечание классу за неспокойное поведение свистом и криком выгнали из зала, где происходил урок, учителя естественной истории Кандаурова. Кандауров побежал к директору, и директор вместе с Кандауровым явились в зал улаживать конфликт. Когда директор ушел, об'яснения Кандаурова с учениками возобновились; ученики сошли со своих мест, окружили Кандаурова, и в это время был облит серной кислотой портрет Николая II, нарисованный во весь рост и висевший тут же в зале. Кислота изъела все лицо царя. Возмущенный таким дерзким поступком, Педагогический Совет постановил принять меры к обнаружению виновных. Всякие меры к обнаружению виновных ни к чему не привели и Совет обрушился на весь VI класс; на педагогическом совете 24 ноября он констатировал неспокойное поведение класса и решил исключить совершенно -невиновных учеников: В. Бохонова, Н. Валенкова, В. Иванова, В. Кондратова, А. Румянцева (все из группы с.-р.). Сейчас же вспыхнула общая забастовка, и 27 ноября уволенные были приняты обратно.“ (И. Пронин. „Ученич. движ. в ср. уч. зав.“, стр. 196).

Подобного рода выступления массового характера (во Владимире 8 марта, в Муроме 1-ое мая) наблюдались и в других учебных заведениях и городах с участием учащихся средней школы, как-то: в Пензе (24 апреля), в Петербурге, Пскове, Самаре и Казани (1-го мая), где происходили забастовки учащихся, преимущественно семинаристов, на Дону и в Подольске (к концу 1906 г.)

Однако массовых выступлений учащихся, особенно семинаристов, как передовых в этом отношении, за этот период уже больше не наблюдалось,—сказывались давление царившей в стране реакции и измена либеральной буржуазии освободительному движению.

Но как бы то там ни было, а все перечисленные выступления семинаристов и вообще учащейся молодежи шли уже по путям единства с общеосвободительным движением, пока, наконец, духовное и учебное начальство не удостоилось такого сюрприза от учащихся, какого не ждало и не видело на всем протяжении движения учащейся молодежи.

Таким сюрпризом для духовного и учебного начальства оказался третий „Всероссийский“ С'езд семинарского союза в г. Москве, состоявшийся 25—27 декабря 1906 года.

Этот третий, как и первые два, с'езд был созван также по инициативе владимирских семинаристов, за которыми все еще продолжало оставаться право руководства движением, так как Владимирская семинария имела у себя центральное бюро семинарского союза России.

IX.

Приглашения на третий общесеминарский с'езд были разосланы в 50 семинарий и на с'езд ожидалось не менее 30 представителей из числа приглашенных, но их всего явилось лишь около 20 чел., что не помешало с'ехавшимся приступить к работе на правах общесеминарского с'езда.

Если довериться утверждению участника этого с'езда Беляева (Марата), то третий общесеминарский с'езд, собственно говоря, состоялся не в Москве, а в Сергиевском посаде, в Сергиевской лавре (близ Москвы)

Вот как об этом с'езде рассказывает в своих воспоминаниях делегат от Владимирской семинарии тов. Беляев (Марат): «Это было в ночь на праздник рождества 1906 года. Мощный гул колоколов Сергиевской лавры потрясал стены академии. Было 2 часа ночи... Я проснулся полный тревоги, как от мощной силы звона, так и важности предстоящего дела. В 2 часа ночи открывался всероссийский семинарский с'езд, заседание которого должно было происходить в стенах академии. Участники с'езда должны были пройти сначала в церковь академии, как молящиеся, а потом пробраться в залу заседания. (С'езд должен был первоначально собраться в Москве, но в черносотенном органе «Земля» появилась заметка, «что на днях предстоит всероссийский семинарский с'езд в гор. Москве. Меры полицией приняты». Во избежание срыва с'езда, таковой был перенесен в Сергиевский посад). С'езд оказался неполным. Явилось до 20 представителей вместо 30 ожидавшихся и 50 приглашенных. Это был третий семинарский с'езд, который резко отличался по своему содержанию от 2 первых. К этому времени, под влиянием общего хода событий общественной жизни в России, определившейся лживой политики правительства,— произошел перелом и в семинарском движении. Если первые два с'езда могут быть названы академическими по постановке вопросов, то последний с'езд коренным вопросом, прежде всего, поставил вопрос о свержении самодержавия, о борьбе за учредительное собрание, о бойкоте выборов в государственную думу и об агитационно-пропагандистской деятельности внутри семинарий. Да и разрешение учебно академических вопросов на этом с'езде протекало уже под лозунгом «Свободная школа—в свободном государстве».

Более того, с'ездом была выражена яркая политическая окраска—на с'езд впервые был приглашен для освещения политических вопросов—член центрального комитета с.-д. За 3 дня работа была успешно закончена и с'езд после себя оставил богатые материалы. В целях же надлежащего оповещения полиции в газетах

была пущена заметка, «что, все-таки, с 25 по 27 декабря собирался всероссийский с'езд семинаристов».

На с'езде присутствовали представители следующих 13 семинарий: Вифанской, Владимирской, Вятской, Донской, Кишиневской, Московской, Новгородской, Пензенской, Псковской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Ярославской; от Киевской и Самарской семинарий были присланы наказы. От Владимирской семинарии, между прочим, присутствовало два делегата, как члены центрального бюро,—от остальных семинарий было только по одному делегату с правом решающего голоса.

В своей книге «Молодежь и Революция» Б. Титлинов (стр. 105) указывает, что из посторонних лиц на с'езде был представитель не центрального комитета, а представитель Московской окружной организации с.-д.,—очевидно тов. Беляев запамятовал кто именно был. Дальше тов. Б. Титлинов (стр. 106) указывает, что с'езд был в квартире двух студентов, каковым якобы за эту любезность было предоставлено право совещательного голоса (?!).

Возможно, что здесь имеется неточность, так как тождественность дат и хода с'езда, как в книге Б. Титлинова, так и в воспоминаниях тов. Беляева (Марата) заставляют верить сведениям, данным и тов. Беляевым, и тем более потому, что его воспоминания появились в печати ранее книги Б. Титлинова на год (см. мою книгу «Минувшее», издание „Владимирского Книгоиздательства" 1923 г., стр. 137). Но эти детали уже не могут играть той роли, какую занимают здесь сами материалы об этом с'езде.

Председателем с'езда был избран делегат от Вятской семинарии.

Занятия с'езда вытекали из разрешения целого ряда вопросов, из которых наиболее интересными были: отчет Ц. Б., доклады с мест и утверждение платформы и устава общесеминарской организации.

По отчету Ц. Б. (Владимирская семинария) было отмечено, что деятельность бюро была недостаточная, непланомерная и исполнение постановлений с'езда от 12 февраля 1906 г.—неисправное.

Из докладов с мест выявилось, что развитие семинаристов в политическом отношении под влиянием отдельных лиц расширилось, толчком к этому послужила деятельность организуемых в семинариях общеобразовательных и политических кружков, но, однако, не глядя на это, в силу царящей в стране реакции, *настроение семинаристов было признано с'ездом пониженным.*

Вопрос об учреждении общесеминарского союза был разрешен в положительном смысле и с'езд перешел к рассмотрению программы, платформы этого союза и его устава.

На с'езде было предложено три платформы: а) профессиональный союз с политической борьбой; б) партийно-политический союз с политической борьбой и в) профессиональный союз с профессиональной борьбой.

При выдвижении на обсуждение всех этих трех платформ—участники с'езда признавали, однако, что «свободная школа возможна только в свободном государстве». Большинством голосов была принята первая платформа и с'езд перешел к рассмотрению устава союза.

Основные положения устава, принятого с'ездом, гласили: а) верховной законодательной инстанцией союза являются общие семинарские с'езды—очередные и экстренные, право созыва каковых предоставлено центральному учреждению союза, которое из «центрального бюро» переименовано в «центральный комитет». Задачей союза поставлена как борьба за свободу школы, так и общая борьба за свободу народа; б) центральный комитет является исполнительным органом с'езда, но ему предоставляется, однако, право, в случае нужды, делать самостоятельные, обязательные для всех распоряжения по семинариям и право издавать воззвания от имени всего союза. Центральный комитет имеет постоянные сношения с семинарскими организациями и ведет деловую корреспонденцию; он ежемесячно выпускает и рассылает в каждую из организованных семинарий бюллетени с текущими сообщениями о положении дел во всех местных организациях, для чего каждая семинария обязательно представляет в комитет корреспонденцию хроникерского характера; в) кроме центрального комитета, существуют местные комитеты при каждой семинарии, организованные сообразно условиям местной жизни. Их назначение заключается в поддержке и направлении семинарского освободительного движения. Состав же их определяется, где можно, путем выбора. «Там же, где такая демократическая постановка дела невозможна, местный комитет носит инициаторский характер и состоит из членов, самостоятельно определивших свое в нем участие для того, чтобы послужить делу освобождения школы». („Молодежь и Революция"—Б. Титлинов, стр. 107—108).

Местом „центрального комитета" сначала вновь была избрана владимирская семинария, но потом это решение было изменено и „центральный комитет" был перенесен в вятскую семинарию, при чем вятский делегат был избран председателем этого нового „центрального комитета". Было, наряду с этим, постановлено закрыть существовавшую ранее также на правах Ц. К. казанскую комиссию.

Кроме этих, уже освещенных нами вопросов, с'езд коснулся суждением по целому ряду других общих вопросов и вынес по ним свое заключение.

С'ездом единогласно было постановлено: 1) семинарский союз, при общих политических выступлениях, должен итти рука об руку

с социалистическими партиями; 2) всякие попытки черносотенной агитации со стороны духовенства или от его имени должны встречаться союзом резко мотивированным протестом; 3) союз всячески должен содействовать социалистическим партиям при их работе в стенах семинарий (организацией кружков, библиотек, лекций, собраний, распространением литературы и т. п.). При выборах в государственную думу союз должен был принимать деятельное участие в агитации в пользу кандидатов из партий социал-демократической и социал-революционной. По вопросу об отношении семинаристов к монахам в дух.-учеб. заведениях и к начальству семинарий было решено бойкотировать их; террор был отвергнут большинством.

По отношению к предполагавшемуся церковному собору было решено, что к таковому, как состоящему из жандармествующих попов, не только не следует обращаться с просьбами, а игнорировать его и путем всяческих форм протестов демонстрировать свое отношение к таковому.

По отношению к переходным экзаменам в 1906-7 учебном году, введенным в семинариях в этот период, было вынесено решение, которое предлагало каждой отдельной семинарии бойкотировать таковые, так как это „нововведение“ было ничем иным, как синодским давлением на семинарии.

Для сношений с Ц. К было постановлено ввести особый шифр, а для самого Ц К.—установить печать.

В заключение с'ездом был выработан ряд воззваний, из которых наиболее интересно воззвание к „епархиалкам“ В этом воззвании есть несколько весьма характерных мест: „В настоящий горячий момент, переживаемый нашей страной, революционный народ, в лице фабрично-заводского пролетариата и трудового крестьянства, вступил в решительную и последнюю борьбу с царским самодержавным строем“.. и дальше: „они отняли у нас живые науки и заменили их суррогатами“... и еще дальше: „Если таковы следы опеки прихвостней царского строя, то в наших интересах, товарищи, встать на защиту попранных прав, очистить школу от грязи, накопившейся в ней, благодаря царствованию в школе представителей отживающего самодержавия; и вместе с тем начать упорную борьбу за свободную школу“.

Как видно - третий с'езд мало походил на два предыдущие, на нем ярко обрисовался политический уклон, а дальше этот уклон усилился и вырос-бы в могучее пламя, если бы охранка самодержавия не схватила семинарское движение за горло и не задушила бы его.

Разгром общественного революционного движения 1905-6 г.г. особенно сильно отразился на следующих 1907-8 г. г. и все это, конечно, не могло не отозваться и на движении молодежи.

Начались обыски и аресты, отбор литературы, жандармские придирки и массовое исключение из школ, особенно из семинарий.

Ко всему этому присовокуплялась разобщенность революционного движения молодежи и по школам, и по партийности, и по социальному положению, что лишало движение массивности, однородности и гибкости—ошибки одних повторялись другими.

Так, например, если на третьем семинарском с'езде террор был отвергнут, то для муромских, примерно, реалистов это постановление не играло никакой роли и они продолжали борьбу с применением террора. 15-го января 1907 года бомбой, подложенной ночью, в муромском реальном училище был взорван и разнесен в клочья только что зачиненный после кислоты портрет Николая II-го. При взрыве бомбы был разворочен массивный подоконник, изломана кафедра, стекла в оконных рамах и шкафах побились, лампы попадали и тоже побились, в потолке оказались выбоины. В довершение всего оказался изрезанным портрет и Александра III-го. Этот факт, правда, прошел гладко для его виновников—их не обнаружили, но за то усилил бдительность жандармерии, каковая начала осыпать реалистов потоком обысков, на основании которых был возбужден ряд судебных преследований,—вскоре движение реалистов было окончательно смято.

В январе же 1907 года был арестован за распространение прокламаций владимирский семинарист—Кульков, а еще раньше этого в г. Владимире же были арестованы члены семинарского кружка, у которых при обыске была найдена социалистическая литература.

Не мало подобного рода арестов было и в других местах,—жандармерия торжествовала победу.

В довершение всего с 8-го на 9 мая 1907 года в Вятке произошел провал вновь избранного на последнем с'езде центрального комитета,—было арестовано по этому поводу 10 вятских семинаристов.

Вслед за провалом Ц. К.—последовали провалы и местных комитетов в школах—семинариях.

Происходило это, конечно, в связи с провалом Ц. К. Весьма характерны в этом отношении указания в своих воспоминаниях участника семинарского движения т. Беляева (Марата),—вот эти указания (см. мою книгу „Минувшее“, стр. 137): „постановлением с'езда центральный комитет перенесен был в Вятку. Протоколы с'езда, как исторические реликвии, хранились, казалось-бы, в самом священном и безопасном месте—под престолом семинарской церкви. Но, накануне пасхи, дьякон этой церкви сменял одежды престола и обнаружил бумаги. По ознакомлении эти бумаги были переданы в жандармерию. В виду того, что протокол с'езда был

за подписями участников его—не трудно было разыскать их и отправить .. в тюрьму. Однако, только в 1910 году, читая газету в одном из глухих уголков, я, случайно, наткнулся на заметку крупными буквами: „приговор по делу всероссийского семинарского с'езда".

По приговору председатель с'езда был осужден на 3 года Петропавловской крепости, участники на 2, 1½ и 6 месяцев".

Таким образом, вполне ясно, что провал местных комитетов, конечно, тесным образом был связан с провалом центрального комитета.

Но, не глядя на столь сильный удар, семинаристы не отступали от начатого и, будучи застигнуты врасплох и сражены неожиданным ударом, они перешли на строжайшую конспирацию, замкнувши поле своей деятельности в рамки «кружковщины», не теряя надежды на восстановление разбитого и теперь уже раздробленного движения, пытаясь созвать 4-й семинарский с'езд.

Полиция и духовная жандармерия учла это стремление семинаристов и не замедлила принять соответствующие меры, чтоб окончательно сломить поднявшее было голову семинарское движение.

Духовное ведомство и полиция, одним словом вся жандармская свора, ознакомившись с материалами третьего с'езда, решила во что бы то ни стало отыскать его участников и предупредить возможный 4-й с'езд.

По всем семинариям, по всем жандармским и охранным отделениям полетели по этому поводу секретного рода циркуляры, в которых настоятельно требовались сведения о предстоящем, яко-бы, 4-ом семинарском с'езде.

Перепуганные попики давали самые сбивчивые ответы, а жандармерия, получая их, металась во все стороны, рассылая все новые и новые секретные циркуляры, еще больше запугивая попов:

М. В. Д.

ДЕПАРТАМЕНТ ПОЛИЦИИ.

ПО ОСОБОМУ ОТДЕЛУ.

12 сентября 1907 года.

№ 134638.

Секретно. Циркулярно.

Начальникам Губернских Жандармских Управлений и Охранных Отделений.

Получены сведения, что летом текущего года состоялся общесеминарский с'езд в Финляндии, на котором было постановлено начать террористические акты против митрополитов и архиереев, ставящих препятствия деятельности семинарских союзов и революционному движению в семинариях.

В виду того, что состоявшееся на Московском общесеминарском с'езде аналогичное постановление по отношению к ректорам и инспекторам духовных семинарий, в некоторых местах приведено было в исполнение, Департамент Полиции предлагает проверить агентурой, насколько справедливы эти указания и полученные по сему предмету сведения представить в департамент со справкою о положении дел в духовных семинариях, где таковые имеются.

Подписал за директора:

Член совета министров *П. Курлов.*

Скрепил: За Заведыв. отделом *Беклемишев.*

Верно: Помощник делопроизвод. (подпись неразборчива).

Но напрасно метались царские опричники—никакого общесеминарского с'езда в Финляндии не было, как не было вынесено на Московском с'езде и решения о применении к ректорам и инспекторам террора, каковой, как мы уже указывали выше, был на этом с'езде даже, как мера борьбы, отвергнут.

Потерпевшие аварию в своем движении семинаристы все-же пытались поставить его снова на ноги и пытались несколько раз созвать 4-й с'езд, но... безуспешно, если не считать „попытки" к с'езду в Тамбове, бывшей 29 июля 1907 года.

В Тамбове намечался 4-й с'езд, но на него прибыли представители всего лишь 4-х семинарий и с'езд, в виду малого количества прибывших делегатов, и усиленного надзора полиции, не состоялся (Б. Титлинов. „Молодежь и революция", стр. 116).

Других попыток к созыву с'езда уже не повторялось,—организованного в одно целое как семинарского, так и вообще движения молодежи, уже не существовало, не было в последующих годах и массовых выступлений в семинариях,—семинарское движение и вообще движение молодежи, как массовое движение, быстро пошло на убыль.

И лишь наиболее передовые из среды молодежи товарищи не могли примириться с воцарявшимся в среде молодежи „покоем" и, соединяясь, организовывались в социалистические кружки, в которых протекала усиленным темпом политико-образовательная работа и которые, время от времени, нарушали дремлющий покой своей среды, побуждая ее к протестам и выступлениям, но это было уже не массовое движение, это были лишь отдельные вспышки, умирающие корни революционно-буржуазного движения молодежи.

Но что же это были за кружки? Какова их работа? Прежде чем говорить об этом, мы отмечаем, что идем здесь ощупью, опираясь на рассказы участников этих кружков, часто сбивчивых, но

все же проливающих, хотя бы незначительный, свет на деятельность кружков учащейся молодежи.

Судя по рассказам участников (смотри мою книгу „Минувшее", стр. 28), в кружках протекала работа чисто политико-просветительного, воспитательного характера. Десяток, редко больше, молодежи собирался на квартире у соучастников (поочередно), к ним приходил представитель от партии, взявшей кружок под свое руководство, и начинались беседы и рефераты по политэкономии, сочинениям Маркса и т. д. Надо отметить, что участники того или иного кружка очень часто не знали личности товарища—руководителя их занятий, знали только лишь его партийную кличку, например «Анна Алексеевна», «Рыжий», а кто они и откуда—никто не знал, а распрашивать об этом как-то не решались.

Были, конечно, из среды руководителей и знакомые участникам кружков, но они были, чаще, выходцами из своей же среды; таковы Павел Батурин, Анатолий Соколов (гимназисты—владимирцы) и др.

Занятия в кружках проходили сухо; читались, примерно, главы из „капитала", раздавались членам кружка темы для рефератов и так собрание от собрания.

И только суровая дисциплина подполья удерживала молодежь в этих кружках, заставляя ее выполнять все задания кружка.

Кроме занятий в кружках участники таковых посещали массовки, устраиваемые чаще за городом, и в то же время служили связующим звеном между партией и массой учащихся.

Только иногда это затишье кружковой работы нарушалось более или менее серьезными „массовыми вспышками", которые возникали часто по особому незначительному поводу, чтоб дальше углубиться и кончиться большими осложнениями.

Такое положение в описываемый период движения было характерным для всего революционного движения молодежи, не только для одной Владимирской губернии, поэтому мы и ограничимся описанием здесь „вспышек", имевших место лишь в одной Владимирской губернии.

Первое выступление в период „кружковщины" произошло в г. г. Владимире в 1909 году.

Узнав о кончине известного русского писателя Л. Н. Толстого и об его отлучении от церкви—семинаристы потребовали от начальства семинарии устройства о почившем панихиды. В устройстве панихиды, конечно, было отказано. Возмущенные отказом семинаристы подняли „шумиху",—далее речь шла уже об улучшении материального положения воспитанников семинарии. Кончилось это выступление роспуском семинарии и исключением „зачинщиков" выступления.

Второе выступление произошло в 1912 году, приблизительно, в ноябре месяце. Здесь уже выдвигалось основное требование семинаристов—подведение семинарий под права светских учебных заведений и снова улучшения материального положения воспитанников семинарии. В этом требовании, как и в прошлые годы, было отказано. Семинаристы забастовали. Произошел роспуск семинарии и исключение 134 человек, из них 34 без права поступления вновь, из этих—8 с высылкой за пределы губернии,—так царская опричнина расправлялась с тем, кто осмеливался посягнуть на продиктованные ею в интересах буржуазии классовые законы.

Но... развязка близилась. И как бы предвестником этой развязки послужило последнее выступление семинаристов.

Один из семинаристов, придя раньше начала занятий в классы, разрезал ножем портрет Николая II-го

Зияющий угольник разреза привлек внимание начальства, которое не столько возмущалось этим событием—сколько дрожало за себя.

Начались допросы, запугивания, но виновника отыскать не удалось, и занятия пошли своим чередом, хотя и поговорили о роспуске семинарии.

Неизвестный мститель всю свою желчь за себя и за своих товарищей вылил на изображение коронованного пьяницы, как бы предвещая этим его неизбежную гибель.

А дальше?.. Дальше разразилась война 1914 года, все светлое было смято, втоптано в грязь за „веру, царя и отечество". Воцарился полный покой в революционном движении и дикий разгул черной реакции.

X.

В заключение необходимо отметить те самоубийства среди молодежи, которые наблюдались, особенно часто, по России в 1912 г., когда царский произвол и разгул черной реакции достигли максимума, переполнив чашу терпенья рвавшейся к свету, к лучшей жизни молодежи. Ослабевая в борьбе под натиском царских опричников—молодежь приходила к выводу, что жить на земле тесно и душно, что дальше только тьма и тьма без конца.

И вот, в 1912 году особенно часто, наблюдаются самоубийства среди молодежи: стреляются, вешаются, «угорают» и топятся не из-за личных потерь или неудач, а из-за тяжести окружающей обстановки.

И что-же мы видим? Мы видим, что общество «соболезнует», но... молчит. Никакой попытки к защите своих прав, никакого живого участия к светлым порывам молодежи. Все это характеризует обособленность молодежи в борьбе за лучшее завтра, за раскрепощение всего народа, за создание свободной школы, это доказывает, что шедшие к молодежи правые партии, разваливаясь, покидали молодежь в дни тягостей, еще больше усиливая этим тяжесть царившего произвола.

Для характеристики этого момента в революционном движении молодежи—приводим здесь полностью «письмо в редакцию» из газеты „Старый Владимирец" от 26 августа 1912 г. за № 189, озаглавленное «на жгучую тему»: „на-днях окончил жизнь самоубийством бывший гимназист И. Федоровский, а в № 188 «Старого Владимирца» появилась по этому поводу заметка, в которой, между прочим, говорится: «чуткий и вдумчивый, он не мог мириться с шипами нашей действительности». «Мучительно жаль этой молодой жизни и как-то невольно хочется спросить, отчего никто во время не уврачевал больную душу" и т. п.

А мне мучительно хочется сказать автору: напрасно вы говорите подобные слова. Да, бесконечно жаль молодой, быть может, богатой жизни, бесконечно жаль близких покойному людей, но не в чуткости души умершего дело и не об уврачеваниях больной души идет вопрос.

Время теперь тяжелое, «шипы» нашей действительности остры, но это явление общее; мы можем и должны стараться, чтоб шипы эти притупились, но по адресу остающейся молодежи мы должны говорить иные слова. Мы должны всюду внушать им иное отношение к вопросу. Мы хотели-бы сказать им трезвое слово правды. Мы сказали-бы им так: тьма окружающей нас жизни велика, «шипы» действительности остры, но разве вы одни страдаете от всего этого. Вы, молодежь, полны сил, перед вами вся будущность; вы еще можете видеть рассвет, а вот мы, старшие поколения, уже потеряли часть наших сил, нам меньше надежд на лучшее будущее отчего же мы не говорим о наших страданиях, отчего мы не боимся «шипов» и не требуем уврачевания?

Мы скорбим о бесплодно погибших жизнях, но к остающимся молодым силам мы обязаны обратить более резкое слово: берегите ваши силы, увеличивайте их, а не раскисайте, не вырабатывайте в себе той жалкой тряпичности, которая утешается сожалением окружающих о вас. Нет в аптеках лекарств для уврачевания вас, да и не нужно этих лекарств. Они в вас, в ваших молодых силах, они в вашей гордости, в вашей вере в жизнь. Плох и жалок тот, кто в самом начале пути боязливо отходит в сторону: тяжело итти,

ноги промочишь. Это не болезнь, это нравственное бессилие. И, к сожалению, проявления этого бессилия, этой жалкой трусости участились за последние годы. Что-же это означает? Неужели каждого из представителей молодежи надо постоянно „врачевать" нравственными тинктурами, да примочками? Что за собачья старость, при которой в 15-20 лет молодое существо складывает бессильно руки и говорит: не могу, я слишком отзывчив на окружающие меня печали; я уйду от жизни.

Нет, мы не верим этому; мы не допускаем мысли, чтобы нация, пережившая за тысячу лет своего существования такие тягости, такие ужасы, как, быть может, ни один другой народ не переживал, дала бы в начале 20-го века молодое поколение настолько жалкое, бессильное, дряблое, что приходилось-бы махнуть рукой на будущее России. Этого быть не может. Мы, русские, еще и не жили настоящим образом; мы целиком в будущем и должны верить, что следующее за нами-стариками поколение лучшее, чем мы, сумеет прокладывать путь к свету.

Явление участившихся самоубийств,—явление преходящее. Мы, старики, виноваты в этом явлении, но виноваты не тем, что не умеем «врачевать *больных* душ», а в том, что мы только и знаем, что охаем и ахаем над печально-склоненными головами молодежи: „ах, ты мой бедный, у тебя такая впечатлительная натура. Ах, дружок, тяжело тебе жить, гляди, как темно кругом... Мы сами поддерживаем эту дряблость, эту жалкую тряпичность. Мы точно радуемся тому, что тьма все сгущается вокруг нас. «Чем хуже, тем лучше», вот подлый термин, который принят за последнее время и который нас поддерживает.

Отцы и матери, внушайте детям не то, что они больно «чутки», что они не могут переносить тягости жизни, а то, что они наша надежда, что в них будущность России, что они должны выращивать в себе силы, энергию, бодрость.

Бесконечно жаль погибших, но остающиеся должны отряхнуть в себе апатию, робость, должны итти вперед в жизнь, которая есть по существу счастье и радость».

Старый *).

И что-же? Помогли эти яркие призывы?... Очевидно—нет, да и номер газеты с этой заметкой, обведенной цветным карандашем, был приобщен к делам жандармского управления. Жандар-

*) Старый—(по указанию т. Ф. Благонравова—член К-та с.-д. организ. г. Владимира) Павел Леонтьев, состоявший в то время в с.-д. организации. Он-же и фактический редактор газеты «Старый Владимирец».

мерия как-бы смеялась над подобного рода призывами, тупо торжествуя победу над всем светлым и радостным.

Тяжелое время переживала молодежь, но... после грозы всегда наступает хорошая погода,—пришла революция и никакие стены не смогли удержать молодежь в стенах школы—все было сметено, все отодвинуто в сторону—молодежь была в толпе манифестантов, приветствовавших победу пришедшей революции.

Такова была встреча того о чем так долго мечтали, чего добивались юные борцы за лучшее светлое завтра.